

не стереть даже самыми лучшими воспоминаниями, другими, не про войну, смерть и голод... Ты уже закончила художественное училище и архитектурный факультет ЛИСИ, преподаешь изобразительное искусство детям. Теперь ты по-настоящему взрослая!

Спасибо тебе, Таня Вассоевич! Спасибо, что не сдалась, не надломилась, выдержала все ужасы войны и осталась добрым и светлым человеком! Спасибо, что не падала духом, что держалась из последних сил, любила, помогала людям, сама находясь в трудной жизненной ситуации. Спасибо твоему сыну, что сохранил твой дневник, и тебе за совет: «Ведите дневник, потому что дневник – это история». Спасибо, что твой дневник стал живым свидетелем страшных дней блокадного Ленинграда! Спасибо!

Твоя Маша.

Повышева Алиса Сергеевна
9 класс

Наставник – Кузина Марина Сергеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
городского округа Тольятти «Школа
№ 81 имени А.А. Санжаревского»

Самарская область

Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...

(Неизвестные страницы Великой Отечественной)

На полке среди книг лежит старый альбом. Он уже «ветеран» и почти 60 лет «кочует» из семьи в семью. Страницы его потрепаны временем. В нем хранятся фотографии нескольких поколений людей, старые письма, открытки, телеграммы. Снимки черно-белые, некоторые совсем выцветшие, помятые, с оторванными уголками. Это альбом моих родных, чье детство и юность прошли в самое страшное и горькое для нашей страны время – в годы Великой Отечественной войны.

Листаю альбом и переносусь в прошлое. Смотрю на простых людей и удивляюсь: как они выстояли и победили в смертельной схватке с врагом? Где нашли силы, чтобы выжить в невероятно сложных условиях? Как после войны смогли восстановить полуразрушенную страну? У каждого из них своя судьба.

Из воспоминаний о моем прадедушке

Лисин Александр Иванович – мой прадедушка. Красавец! Косая сажень в плечах, умный взгляд светлых глаз, чуть припухшие губы. Ни

тени самодовольства, ни высокомерия. А ведь он дошел до Берлина, встретил там победу, поставил точку в войне! Таким мы увидим его на снимке, сделанном в немецкой столице в 1945 году.

Когда Александру исполнилось 18 лет, его призвали на фронт. Он попал в пограничный полк войск НКВД, служил в школе разведки, воевал вместе со своим другом Николаем. Оба крепкие, высокие парни (ростом более двух метров!). Богатыри! Их часто вместе отправляли на передовую добывать «языка». А какое тут применишь «оружие», чтобы быстро, без шума обезвредить врага? На этот случай мог пригодиться просто кулак. Силой Александра природа не обделила. Вот подползают разведчики незаметно к немцу, кулаком по каске... и тащат к своим. Принесут, а «язык» уже и не дышит. Командир говорил им: «Ребята, ну зачем так бить? Вполсилы надо. Куда его теперь?»

Как-то в одном из сражений Александр был тяжело ранен. Гремел бой, шли в атаку. Тут резкая боль пронзила его лицо. Александр упал. Попытался встать, но не смог. Видел, как все убегают вперед, а он лежит, захлебывается кровью. Сколько времени так прошло, не помнил: потерял сознание. Очнулся – бой закончился, кругом убитые. А он даже застонать не может, чтобы подать сигнал, что жив. И вдруг через слепшие от крови глаза видит друга. Тот вернулся, нашел своего земляка: «Живой? Слава богу. Потерпи. Сейчас помогу». Взвалил к себе на спину и понес в санбат. Вот когда вспомнилась народная мудрость: «Друг познается в беде». Так и дошли бойцы вместе до Берлина.

Трудились для победы все

Листаю альбом и вижу свою прабабушку – Лисину Нину Сергеевну. По ее лицу, как по книге, можно читать о тяжелой судьбе. Каждая морщинка говорит о горьком опыте.

В начале июня 1941 года ей исполнилось 16 лет, а через несколько дней началась война. Все мужское население призывного возраста ушло на фронт. Нина выучилась водить трактор, пахала землю, сеяла хлеб. Через 2 года пришла повестка явиться в военкомат. Мать не могла слез унять: девчонки должны воевать, кровинушка ее уйдет на фронт!

Вместе с подружками приехала Нина на призывной пункт. Увидел их председатель сельсовета. Пошел к командиру просить за девчонки: «Последних работников забираете. Кто хлеб сажать будет, чтобы армию кормить? Одни дети да старики остались в деревне! Кого на трактор посажу?» Пошли навстречу: отправили девушек домой.

Тяжело было... За троих приходилось работать. О тех тяготах напоминают руки – мозолистые, шершавые, обмороженные – и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Взрослели дети на глазах

С глубоким волнением смотрю на снимок той, которая в свои 11 лет кормила нашу армию хлебом. Сураева Клавдия Александровна (еще одна прабабушка) была самая старшая из детей. Отец ушел в 1940 году на Финскую войну и пропал без вести. А мать осталась одна. Тяжело было женщине. Трудно передать словами и то, что выпало на долю детей. Они работали по 12–14 часов в день, без выходных.

Клаву определили на ток взвешивать зерно, вести отчетность. Ей только 11, а какая ответственность! В куклы бы играть да книжки читать, а война отняла у Клавы детство. Вспоминаю себя или других ребят в таком возрасте. Что бы мы смогли сделать? Но тогда не спрашивали. Можешь – не можешь, умеешь или нет – работай. Быстро выросли дети войны. Трудное было время и очень голодное, есть хотелось всегда. Но нельзя взять ни зернышка. Приказ: «Все для фронта!» А тяжело работать с зерном и представлять, как из него получается мука и печется хлеб, но не иметь права воспользоваться своим положением.

Прабабушка всю жизнь сон один вспоминала: «Стоят передо мной старые тяжелые чемоданы, открываю их, а там – аккуратно уложенные буханки хлеба, несколько рядов ржаных кирпичиков. Даже вроде чувствуешь, как вкусно пахнут. А я стою и не смею их взять...»

Всем смертям назло

Дядю моей прабабушки, Сураева Михаила Осиповича, уже в июле 1941-го пропавшего без вести, все считали погибшим. Отряд попал в окружение, командир оказался предателем, сдался в плен. Оставшихся в живых красноармейцев погнали в Польшу в концлагерь. Михаил и еще двое бойцов решились на побег. Но далеко уйти не смогли. Их поймали, травили собаками, держали в яме несколько дней и повели на расстрел. Шли и уже прощались с жизнью. Конвоир, тыча им в спину штыком винтовки, подгонял их. Но они не торопились, будто что-то обдумывали. Незаметно переглянулись, поняли друг друга. Вот крайний дом хутора, а за ним – лес. Есть шанс. Завернули за угол дома. Один схватил оружие, другой повалил немца, третий довершил дело. И бегом в лес.

Вышли на окраину какого-то хутора. Видят: старик собирает скошенное сено в телегу. Подошли, сказали, что бежали из плена, хотели к своим пробраться. А дед говорит хлопцам, что здесь только немцы, но поможет: накормит, одежду даст. Завалил беглецов сеном, провез в телеге к себе во двор, дал умыться, поесть. А потом попросил уйти: если узнают, что скрывал русских, всю семью расстреляют, его дом сожгут и еще 10 дворов вправо и 10 влево. Но солдаты и не собирались прятаться. Пошли к линии фронта, к своим.

А уже в Польше все-таки их поймали. Чего только не натерпелись в плену! Потом батрачили на польских панов до прихода Красной Армии. Затем пришлось кровью смывать позор плена. Ребята были оправданы.

Вернулся Михаил домой. С криком «Живой!» бросились навстречу ему мать и сестры. Вся деревня ликовала, будто снова победу праздновала. Выжил всем смертям назло.

О войне, чуде и квашеной капусте

Другой мой прадед, Змеев Григорий Васильевич, побывал в самом пекле. Он ушел на фронт в 1939 году, сначала на Финскую, а затем на Великую Отечественную войну. С Кольского полуострова его переправили на Курскую дугу. Участвовал в смертельной схватке против армады немецких дивизий. Танки дробили солдатские кости. Сверху землю утюжили самолеты. Настоящий ад! А Григорий уцелел в том пекле, даже не был ранен и продолжал воевать.

Вспоминал, как пришлось однажды переправляться через реку, а он плавать не умел: «Много было разбитых плотов, присмотрел я бревно потолще, уцепился покрепче, сам весь под водой, только нос чуть выглядывал. Плыву потихонечку, а вода вокруг красная от крови убитых. Снаряды падают, пули со свистом пролетают, и невозможно голову поднять – убьют. Так и добрался до другого берега».

Под Харьковом попал отряд в окружение, но вышел из него. А под Воронежем в августе 1943 года Григорий получил серьезное ранение в ногу. Началась гангрена. Пришлось ампутировать ногу. Состояние ухудшалось с каждым днем, шансов выжить не было. Домой его жене уже похоронку отправили. У таких безнадежных милосердные нянечки спрашивали, чего те хотели бы. Женщины будто последнюю просьбу умирающих желали исполнить. А прадеду моему захотелось тогда квашеной капусты. Принесла сестричка Анечка, накормила. Это может показаться чудом, но пошел на поправку Григорий Васильевич. Сильнее лекарств оказалась капуста, смешанная с добротой.

Не вернутся без вести пропавшие?

Вечным ожиданием томимы,

Связаны тревогою всегда,

В даль времен глядят они... А мимо,

Как призывники, спешат года, –

вспоминаю я строки С. Острового, когда открываю пустую страницу, где ни одного снимка. Только письмо:

«Дорогая Алиса! Ты просишь написать тебе о старшем брате твоей прабабушки – Егорове Михаиле Сергеевиче.

К сожалению, о нем почти ничего не известно. Не осталось от

человека "ни петлички, ни лычки", ни фотокарточки. После войны он так и не вернулся. Похоронок не было. И все верили, что вот-вот и он придет домой. Но время шло, а Михаил не возвращался. Что с ним стало? Мысли одна страшнее другой приходили в голову. Сначала думали: может, погиб в фашистских застенках в страшных пытках? Или сожжен в газовой камере в плену? Может, лежит, сраженный пулей, в какой-нибудь братской могиле? Или где-нибудь среди итальянских партизан затерялись следы русского защитника?

Уже спустя годы Нина отправляла запрос в военкомат, чтобы хоть что-то узнать о судьбе своего брата. Ответ был коротким: «Призвался в 1942 году, имел звание старшего лейтенанта. Был награжден медалью "За боевые заслуги", а окончил службу 23.09.1955 года в Карпатах». Наверное, боролся с бандеровцами. Об их зверствах известно. А сейчас их героями провозгласили... Разве это справедливо?

Обращались в телепередачу "Жди меня" – не нашли ни среди живых, ни среди мертвых. В сердце незаживающая рана жжет, боль не отпускает...

Внукам своим и тебе, Алиса, завещаем найти сведения о Михаиле. Возможно, не вся еще информация доступна для обнародования. Но мы надеемся узнать о его судьбе. А в День Победы не забывайте упомянуть и Михаила. Пусть он будет жив в наших сердцах.

До свидания. Ваша родня.

Послесловие

Перелистывая фотоальбом, я все время думаю: сколько миллионов историй могли бы рассказать те, кто не вернулся домой! В каждую советскую семью шагнула война. Сколько судеб было разрушено, сколько страданий перенес наш великий народ. Нужно, чтобы память об этом хранилась в каждом из нас. Пока помним о войне, не позволим переписать историю.

Как хорошо, что есть старые снимки тех, кого уже нет рядом с нами. Но память – это не книга, а потому я пишу о дорогих мне людях очерки, которые передам своим детям вместе с фотоальбомом. Пусть будущие поколения нашей семьи знают о том, о чем не прочитают в учебниках, – об этих неизвестных, но не менее героических страницах из истории о Великой Отечественной...

**Шнайдер Никита
Александрович
9 класс**

Наставник – Шнайдер Светлана Валерьевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение – Кузнецовская средняя общеобразовательная школа

Новосибирская область

Три тополя

Еще не смеркалось, но полуденный зной уже давно отступил. Солнце лениво клонилось за горизонт, щедро облагрив молодые всходы овса и пшеницы. Сельский пастух, искусанный за день паутами, гнал, прикрикивая на скотину, стадо к водопою. Кузнецовские жители, верные деревенскому обычаю, выходили за ворота на вечерние посиделки. Подул легкий ветерок, и с неба посыпались воздушные хлопья молодого тополиного пуха.

– Началось... – будто распевая, заголосила Галка. – День-два, и ступить будет нельзя от этого пуха! Хоть бы дождик что ли пошел!

– Васильич, руби тополя! Все избавляются от этого сорняка, а ты бережешь, как сокровище, – подключились другие соседки.

– Тьфу на вас! Раскудахтались! – закричал в ответ дед Степан. – Пока я жив, слышите, мои тополя никто пальцем не тронет!

Степан Васильевич, уже привыкший к таким нападкам, сердился для порядка, но на самом деле ему даже льстило, что его тополям оказывалось столько внимания со стороны соседей. Все на краю знали о его странной любви к этим неприглядным деревьям. Многие даже посмеивались украдкой, когда в засушливый год он поливал своих питомцев. И хотя многие уже знали историю трех тополей, с удовольствием слушали, когда Степан Васильевич в очередной раз начинал свой рассказ.

– Я тогда маленьким был, – вздыхал дед Степан и на несколько минут замолкал, как будто собираясь с мыслями. Да, а как будто вчера все это было...

Глаза старика становились влажными, нос краснел, а руки, и без того беспокойные, начинали еще заметнее трястись. Потом он успокаивался и мыслями уносился в далекое прошлое, в пору своего детства.

Степан Васильевич был самым младшим в семье Василия и Акилины Логуновых. Два родных брата и сестра уже давно трудились, как взрослые. Работали и в колхозе, и дома, а Степка еще бегал с мальчишками на озеро купаться или в лес разорять гнезда. Единственная польза от сорванца – полив огорода и встреча скотины с выпаса. Жили Логуновы дружно, с соседями ладили, в общем – как все.

В сорок первом в отдаленное сибирское село черной вороной прилетела страшная весть – началась война. Сначала и верить никто не хотел: колхоз посеялся, сено цветет, тут не до войны. Но когда первых мужиков повезли в райвоенкомат на сборы, стало не до шуток. Полились по Кузнецовке бабьи слезы. Что ни неделя, то проводы. Акилина сначала мужнино плечо залила горькими слезами, а потом и сыновей проводила. Опустела хата Логуновых. Мать да сестра весь день на работе, один Степка по двору скачет, в войну играет. Расстроился Степка, что он слишком мал и что его фашистов бить не берут, да делать нечего.

Порой сядут они втроем, вымотанные после вечерней управы и огорода, поесть, и мать начинает своих мужиков родных вспоминать да плакать. А маленький защитник успокаивает ее: «Все хорошо, мамка, будет, все вернутся, все до единого!» Не понимал Степка боли сердца материнского – оно же все чувствует... Каждый день Акилина ждала весточки с фронта, но почтальон Иван Никитич дом Логуновых всегда обходил. Соседка Ольга уже несколько весточек от сыновей получила, пишут, что все хорошо, фашистов бьют, дом родной не забывают. И рада Акилина за подругу, и завидует немножко.

Наступил сентябрь. Ночами по-осеннему подмораживало, хотя днем еще летали паутинки. В один из таких дней пришел долгожданный гость. Переминаясь с ноги на ногу, он неуверенно подошел к крыльцу, на котором Степка играл в самодельные игрушки.

– Тут, Степан, вам весточка с фронта пришла, зови мамку-то, – промямлил почтальон.

– А она с Нюркой на работе, – обрадовался долгожданному письму Степка и протянул ручонки к желтой бумажке, – давайте письмо, я передам мамке.

Степка прижал листок к груди и улыбнулся. Он хотел сам прочитать заветное послание, но еще не умел. Чтоб не потерять письмо, он

положил его на кухонный стол, а сам каждые пять минут выбегал на дорогу посмотреть, не идет ли мама или сестра домой. Когда вдалеке показались знакомые фигуры, он помчался к матери навстречу.

- Мама! Я ж говорил, что напишут, – кричал Степка на всю улицу.
- Где ж письмо, сыночек? – убыстря шаг, кричала Акилина.
- На кухне, я его на стол положил!

Все трое добежали до калитки, заскочили в кухню, а когда Акилина увидела незапечатанную желто-серую бумажку, опустилась на стул.

- Нюрка, глянь кто, – обреченно сказала мать.

Аня осторожно взяла листок. Пробежала глазами и вскрикнула: «Папка!» Мать и дочь разом взвыли, а Степка не сразу понял, почему не радуются, а плачут мать и сестра. Когда осознал, уткнулся матери в подол и тоже заплакал.

В войнушку Степка играть перестал. Нехитрое деревянное оружие спрятал в кладовку. Аня же прятала не игрушки, а свои горькие слезы. Спрячется от матери и ревет. Акилина после той весточки как-то вся осунулась. Почтальона больше не ждала, пусть уж лучше никаких вестей, чем похоронки. Казалось, что радость навсегда ушла из дома Логуновых.

За осенью пришла зима. Колхоз собрал скудный урожай с полей. Акилина с детьми до последней картошинки убрала огород. Без мужской силы приходилось туго. Степка и Аня почти не выходили из хаты. Вьюжным февралем запечатало дома в деревне, приходилось откапываться. Как-то раз после такой снежной уборки Акилина зашла в дом погреться. Не успела раздеться – стук. Сердце екнуло.

– Логуновы, письмо вам! – раздался знакомый голос Ивана Никитича.

Акилина взяла письмо. На этот раз в конверте. На конверте незнакомым почерком написан их адрес. Акилина разорвала конверт, трясуцими руками достала листок: «Ваш сын, красноармеец Логунов Алексей Васильевич, уроженец деревни Кузнецовки, в бою за Социалистическое Отечество, верный воинской присяге...» Дальше глаза наполнились слезами и Акилина разобрала только «убит». Как и в прошлый раз, завыли в логуновской хате, только теперь уже трое. Степка понял, что письмо опять недоброе.

Последняя похоронка пришла почти через год. До нее младший Николай написал несколько писем. Скудных, коротких, но все же живых. За Николая молились и надеялись, что хоть он вернется живым и невредимым. Но когда Акилина в окно увидела неуверенную поступь почтальона, сразу почуяла неладное. Плакали долго и горько, дети прижимались к матери, а она не находила в себе сил их утешать.

После последней похоронки голова Акилины, как утренним весенним инеем, покрылась сединой.

Весной Степка принес из посадок отростки тополей. Взял сам лопату и выкопал возле дома три ямы. Мать с сестрой, недоумевая, смотрели на маленького неумелого копача.

– Это папка, – важно произнес Степка, показывая на самый большой отросток. – Это Алексей, а вот Николай. Они всегда будут с нами рядом. Они будут нас охранять.

– Какой же ты у меня взрослый стал, Степушка, – сквозь слезы улыбнулась мать и погладила сына.

Саженцы засыпали влажной землей, полили и хорошенько притоптали. Тополя принялись легко, дружно зазеленели, росли не по дням, а по часам. В победный май возле дома Логуновых уже стояли три дюжих молодца – три зеленых тополя.

– Пока я жив, эти тополя никто пальцем не тронет, – подытожил свой рассказ Степен Васильевич и погрозил пальцем.

Вот уж более семидесяти лет возле маленького деревянного домика Степана Васильевича Логунова растут три тополя, напоминая об отце и его славных братьях.

Минаков Кирилл Сергеевич 8 класс

Наставник – Моисеенко Светлана Александровна, учитель начальных классов

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 28 имени П.В. Рыженко» города Калуги

Калужская область

Просто ты умела ждать...

– Читай, Паша, читай...

Сколько раз за последний год она слышала эти слова... Вроде и далеко от фронта их село, а война прошла по нему смерчем, выкосив почти всех мужчин. Вот и стали соседки бегать в ее избенку, чтобы спастись от удушливой тоски. Посидеть на лавке, послушать, как молоденькая учительша читает вслух письма своего мужа-фронтовика, стало единственной отдушиной для женщин села. И Паша знала – сегодня среда, стало быть, скоро раздастся робкий стук в дверь и ее комнатуха начнет наполняться народом. Первой придет бобылка Мотя – высокая, громогласная, достанет из кармана ватника осколок серого сахара, чтобы угостить Пашину дочку, шуструю востроглазую Люську, усядется на лавку, рассказывая о прошедшем дне и расспрашивая Пашу о школе. Следом явится Акимовна – сухонькая старушонка, потерявшая на войне двух сыновей. И последней придет красавица Катюша, получившая всего месяц назад похоронку на мужа.

Паша возьмет с полки большую деревянную шкатулку и достанет пачку Петиных писем – серых солдатских треугольников, исписанных родным летящим почерком. Вопросительно взглянет на притихших женщин и достанет наугад письмо из стопки. Бережно развернет его и начнет: «Здравствуй, ненаглядная моя Пашенька...»

И ведь каждое письмо читано-перечитано, а слушают всегда, как впервые. Чуть запнется – задумается Прасковья, как сразу же ей:

– Читай, Паша, читай...

А когда старенький почтальон новое письмо от Петеньки приносит – радость всей деревне. И на первое прочтение собираются все мужчины. Председатель колхоза качает на ноге хохочущую Люську и весело басит:

– Ну, Лазаревна, читай. Люблю слушать письма от Петра – все с толком объясняет про обстановку, никакого радио не надо.

И она читает. Слушают письмо всегда внимательно и напряженно. Председатель перехватывает поудобнее задремавшую Люську и шикает на безногого бухгалтера, доставшего кисет с табаком.

– Не в конторе! Дите тут – али не видишь?

И тут же к ней:

– Читай, Паша, читай...

Закончила. В избе становится шумно – обсуждают то, что услышали. Особенно горячится молоденький агроном, совсем мальчишечка. Четыре раза просился он на фронт – забраковали его из-за порока сердца. Вот и ходит он по селу, глаза от стыда поднять боится, хотя все про тяжелую болезнь его знают. Никто и словом не попрекнул.

Спорят долго, горячо. Решают, что по весне конец придет войне, потому как немцы уже через всю Европу от Красной Армии удирают. А Паше и в радость их слушать. Значит, скоро вернется ее Петенька. Аккурат по весне, когда птички запоют.

Идут дни за днями. Вот уже и март наступил. Радует Паша – скоро растает снег. И войне конец скоро. Каждый в селе это знает, каждый по-своему счастлив. А мальчишки в школе шкодят – не удержат. Да только Паша не сердает на них, ведь не от озорства пустого шалят – от радости.

Бежит домой после уроков, а навстречу почтальон.

– Здравствуйте, Василь Данилыч, – Паша к нему. А он молчком конверт ей протягивает, в глаза смотреть не решается. Опустила Паша взгляд, а конверт белый, казенный. Рука как каменная сделалась – не поднять. Пальцев не чужала, когда конверт из рук почтальона брала. Сама не помнила, как домой добрела. Села на лавку, не раздеваясь, конверт перед собой положила. Неизвестно сколько времени прошло, прежде чем решила письмо распечатать. А там – сухие строки: «Пропал без вести...» Как мертвая просидела Паша дотемна, пока бобылка Мотя Люську домой не привела.

Увидела Мотя конверт, охнула, зажала рот рукой. Погладила Пашу по каменному плечу и вдруг опрометью кинулась прочь. В избе стояла звенящая тишина, только тикали ходики да тихонько поскуливала Люська, дергая мать за рукав. И вдруг открылась дверь и на пороге

появились женщины. Старушка Акимовна быстро затопила печь, русоволосая Катюша поставила самовар. Мотя тетешкала повеселевшую Люську. Акимовна села рядом с бледной Пашей и погладила ее по руке.

– Ты, Паша, жди. Без вести пропавший – не убитый. Пока ты ждешь, пока надеешься, живой твой мужик. Ты это письмо убери с глаз подальше. А какое старое возьми да почитай.

Паша медленно перевела взгляд на Акимовну и вдруг встрепенулась... Потянулась к заветной шкатулке и вытащила последнее Петенькино письмо, развернула и глухим надтреснутым голосом прочла: «Здравствуй, ненаглядная моя Пашенька...»

С той поры каждый день собирались женщины в избе у Паши. Допоздна горел свет в окошке ее избенки. Может быть, потому и чудо случилось. Ближе к маю, когда снег уже сошел, а на деревьях почки раскрываться начали, вдруг услышала Паша на улице веселый женский гомон. Выглянула в окошко – Катюша и Акимовна обнимали старичка-почтальона, А Мотя бежала к ней со всех ног, и в победно вскинутой ее руке зажат был серый треугольник, подписанный знакомым почерком.

Пока Паша, не различая от слез букв, пыталась развернуть письмо, почтальон, сидя на лавке, рассказывал:

– Вишь, Паша, какая история. Эти трещотки мне проходу не давали. Каждый день встречали – все о письмах для тебя спрашивали. Чуть прятаться от них не начал.

– Ты читай, Паша... – тихонько попросила Катюша. Все выжидательно уставились на Пашу, а она, утерев краешком платка глаза, начала читать. Петенька писал, что был ранен и контужен, почти две недели пролежал в госпитале без памяти. И что сейчас чувствует он себя хорошо, только вот два осколка в спине осталось. Да вот обидно – войну без него закончат. Врачи его из госпиталя не отпускают. Но скоро приедет он домой, чтобы обнять свою ненаглядную жену и любимую дочку Люсеньку.

Дочитала Паша, подняла глаза, а все женщины рыдмь рыдают, слезами захлебываются.

– Счастливая ты какая, Пашенька, – горько всхлипнула Катюша, – дождалась...

А потом был май и по радио объявили, что войне конец. И Петенька домой вернулся. А женщины нет-нет да приходили в ее избу, робко садились на лавку и просили:

– Почитай письмишко, Паша...

И Паша понимающе кивала – в этих фронтовых треугольниках каждая из ее осиротевших подруг слышала голос своего родного человека, ушедшего от нее навсегда...

– Бабуль, – Кирилл стянул с полки старую шкатулку, – можно я этот раритет выкину? Старье какое-то, и внутри бумажки древние.

Он осекся, увидев побелевшее лицо бабушки.

– Кирилл, это не мусор. Это письма твоего прадеда... помнишь, я рассказывала?

– Это те, которые читала соседкам вслух бабушка Паша? – догадался мальчик.

– Те самые.

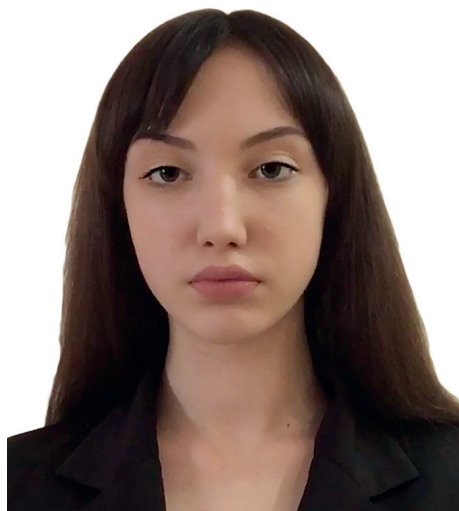
Кирилл заглянул в открытую шкатулку и вытащил ворох истертых солдатских треугольников.

– Бабуль, – вдруг решился он, – а почитай их мне. Ну, как бабушка Паша тогда.

Людмила Петровна бережно взяла одно из писем и вдруг почувствовала, что она снова стала шустрой черноглазой Люськой с измазанными зеленкой коленками. Ей живо вспомнились и вечерние чтения писем в их избе, и вкус сахара, которым угощала ее Мотя, и плюшевый медведь, которого привез ей вернувшийся с фронта отец.

– Ба, ну чего ты? – тихо позвал ее Кирилл. – Ты читай, бабуль...

Людмила Петровна осторожно развернула ветхий треугольник и, вглядываясь в вылинявшие от времени строки, прочла: «Здравствуй, ненаглядная моя Пашенька...»

**Кожаева Екатерина
Вячеславовна
9 класс**

Наставник – Аленичева Анна Владимировна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 5» Рузаевского муниципального района

Республика Мордовия

За Шурочку!..

Я торопливо пытался открыть своими замерзшими пальцами небольшой бумажный треугольник, и в моей голове всплывали родные образы: Любаша, Валюша, Шурочка.

Прилежным, таким знакомым и родным детским почерком был исписан листок из школьной тетради: «Милый мой папа! Это уже третье письмо, которое я тебе пишу, а от тебя нет ни одной весточки. Но я знаю, что ты живой! Я вижу тебя во сне, где ты бежишь мне навстречу! Мама говорит, что тебе не до писем, а сама плачет по ночам...»

Прижав письмо к лицу, я вдыхал его запах и будто чувствовал тот легкий аромат свежескошенной травы, исходящий от волос Любаши, тот запах грудного молока, которым пахла Шурочка, когда я целовал ее пухлые щечки, и тот запах моря, присущий Валюше, любившей с мальчишками рыбачить целыми днями. И в те мгновения, казавшиеся мне вечностью, я не ощущал боли, терзающей все мое израненное тело, голода, от которого постоянно сводило живот, жуткого холода, проникающего в каждую клеточку, от которого уже не чувствовал пальцев ног. Я был счастлив! И это чувство каленым железом жгло мое сердце, согревало душу, вселяло надежду и давало сил. Как я был благодарен тогда почтальону за подаренные мне минуты простого человеческого счастья, за избавление от страха и беспомощности, за напоминание о тех, кто верит в тебя и ждет во что бы то ни стало!

Письма приходили редко. Все понимали: идет война. И когда сообщили о подорванном фашистами грузовике с почтой, все до единого вызвались ползти ночь напролет под обстрелом до разбитого грузовика, чтобы доставить заветные треугольники солдатам. Остов сгоревшей машины мы увидели издалека, и надежды найти там письма не было никакой. Но мы продолжали ползти... Слезы благодарности медленно потекли по нашим запыленным и заросшим лицам, когда мы увидели, что перед смертью почтальон, который знал, как дороги весточки от родных для нас, солдат, накрыл сумку своим телом, что спасло от огня большую часть писем. Да, были на войне и такие герои, которые не держали в руках оружия, не убивали врагов, а лечили душевные раны солдат, поддерживали в них такой необходимый тогда огонек жизни.

Когда желание окунуться в омут счастливых воспоминаний делалось невыносимым, мы по очереди в окопе начинали вслух зачитывать свои старые письма из дома, от которых становилось спокойнее и радостнее и отчего все в роте знали имена жен, детей и родителей своих сослуживцев.

«Дорогой папа! Прости, что долго не писала: нет сил. Очень холодно. Мама заболела, вот уже две недели она не встает с постели. Сухари, которые мы немного припасли и берегли, закончились. Шурочка все время плачет. Если бы не соседка тетя Галя, мы бы все, наверное, умерли от голода. А еще она помогла мне устроиться на завод, где я работаю за токарным станком. Ты же знаешь, я самая высокая в классе, поэтому на заводе никто и подумать не может, что мне нет даже 15 лет. Очень болят ноги. Говорят, что это от тяжестей... Зато теперь у нас есть хлеб...»

«Воробушки мои... родные мои... потерпите... Немцев мы что есть силы бьем... Потерпите немного...»

Много раз я перечитывал тогда это письмо и с холодящим душу ужасом боялся получить новое...

«Папа, 16 апреля умерла мама, а затем Шурочка. Я у тебя осталась одна...»

Ни один мужчина, наверное, за свою жизнь не пролил столько слез, как я в тот вечер... Как много раз за все время войны я слышал бредящие душу рыдания, как много раз спрашивал себя: что бы сделал я, если бы горе коснулось меня? И скажу вам, что невозможно удерживать эту боль, она с криком искала выхода, рвала мое сердце, душу! Боль становилась просто невыносимой, и я выпустил ее наружу... Мой вопль накрыл не только наш окоп, но и близлежащие... Рыдания сотрясали мое худое тело, и все вокруг, казалось, вторило им. Я был вне

этой жизни, не замечал ни мелко морозящего дождя, капли которого стекали за воротник гимнастерки, ни холодной мокрой земли, в которую с ожесточением вгрызались мои пальцы, ни братских сочувствующих объятий своих товарищей...

Я смотрел на этот исписанный тем же детским почерком листок и думал... Однажды такой листок подал надежду, подарил жизнь, а сейчас вернул обратно – в ад...

На следующий день наше пехотное подразделение совместно с 5-м гвардейским танковым корпусом должно участвовать в битве под Прохоровкой Белгородской области. Я не слышал в то утро приказа, бежал и не понимал происходящего. Взрывы снарядов, команды, рев танков и свист пуль – все было где-то далеко... Глаза мои застила пелена от пролитых слез, а в голове стоял туман от перенесенного горя. Я падал и вставал, снова падал и снова вставал... Сколько так я бежал – не помню, остановился только после того, как меня за плечи затряс мой сослуживец Ваня Черных: «Очнись, Сашок! Чего на пули прешь!» Я смотрел на него своим невидящим взглядом, пока не заметил за его спиной советский танк с белой надписью на башне: «За Шурочку!». Весь мир тогда перевернулся у меня перед глазами! Кровь закипела в моих жилах! Такую силу я в себе почувствовал, такую мощь, что, разорвав на груди гимнастерку, с криком: «Ребята-а-а!!! Бей врага! За Любушку мою! За Шурочку!» – ринулся в рукопашный бой... И бил я в тот день врага, и душил его голыми руками, и рвал его зубами... Это был мой последний бой...

«Здравствуй, папа! У меня все хорошо. Наш завод эвакуировали далеко на восток, вместе с ним и меня... Пишу тебе письмо, хотя знаю, что тебя уже нет!.. Ты погиб!.. Во сне бегу к тебе, а ты рукой мне машешь, прощаешься со мной... Но я все равно буду ждать тебя! Буду писать тебе!.. Твоя Валюша».

ПРИЗЁРЫ В 3-Й КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Попова Полина Витальевна 10 класс

Наставник – Юсупова Оксана Николаевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 2» г. Перми

Пермский край

Сквозь время

– Ты что такой нарядный и с гармонью?
– В армию отправляюсь. Решили с парнями съездить сфотографироваться.

– Володька, возьмите и меня!
– Садись. В тарантасе место есть.

Шел август 1939 года. Никто не предполагал, что этот их совместный снимок станет последним. Скоро грянет Великая Отечественная. Пятеро из шести парней останутся в земле, по которой беспощадно пройдет война. Лишь румяный деревенский богатырь Володя вернется почти слепым, на костылях, с изуродованным осколками снаряда лицом. Ему удалось выжить вопреки бесчеловечным планам нацистской Германии.

Фотографию сохранила моя прабабушка. Через много лет я встретила взглядом со своим юным прадедом. Рядом с ним сквозь время смотрели его сильные, загорелые, задорные друзья. Сердце мое сжалось от боли. Как жестоко и несправедливо, что война погубила этих полных сил и надежд мальчишек, чья жизнь так прекрасно начиналась. Под снимком были выведены имена. Позднее я узнаю, что Александр и Федор даже не успели создать семью. Николай не увидел родившуюся дочку. Никита и Семен не осуществили мечту поступить в лесной техникум. Именно эта фотография заставила меня обратиться к тому времени, захотелось как можно больше узнать

о судьбе моего прадеда Владимира Александровича Жданова. Из небольших рассказов и воспоминаний родственников, как из мозаики, сложилась для меня картина его военного прошлого...

– Почему так темно?

– На твоих глазах повязка. Постарайся не разговаривать. Ты еще очень слаб, чтобы можно было удалить осколок из глаза. Врач сказал, что один глаз еще можно спасти. Мы уже и не думали, что очнешься. Это надо же – две недели без сознания.

– Где я и кто ты? – слабо прошептал Владимир, чувствуя на своей руке тепло чьей-то ладони.

– В госпитале, в Ленинграде. А я Таня, медсестра. Это счастье, что ты пришел в себя.

Дни в темноте ползли очень медленно. Владимир старался не вспоминать ужасы недавних дней, уносился в мыслях к родному дому. Он не успел вернуться домой после окончания срока службы. Грянула война. Противник быстро продвигался к городу на Неве. Уже в июле шли бои на ближних подступах к Ленинграду. Наши войска несли тяжелые потери. Сражаясь за Красногвардейск, Владимир попал со своим взводом в окружение. Ночью удалось пробраться через болото и присоединиться к другой военной части. Уже через час измученные, грязные бойцы вступили в новый бой. Товарищи гибли один за другим. Постоянные авианалеты, артобстрелы... Не успевали хоронить погибших... Взрывы поднимали их в воздух, смешивая с землей. Вокруг не было ни одного уцелевшего дерева. Прибывали новые батальоны... И все повторялось...

– Танечка, чем таким тяжелым ты придавила меня?

– Матрацы положила поверх одеяла. Отопление в госпитале замерзло. Держись. Скоро принесу тебе горячей воды.

Владимир насчитал за ночь 14 налетов авиации. Днем город также методично обстреливался. Залетевший в соседнюю палату снаряд обрушил стену. Погибло несколько раненых. Уже не осталось целых окон. Их заколачивали досками и закрывали мешками, спасаясь от обжигающего ноябрьского ветра. Питание, и без того очень скудное, с каждым днем ухудшалось. Суда с продовольствием, которые шли по Ладожскому озеру, враг ожесточенно топил. Гитлеровцы делали все возможное для уничтожения Ленинграда.

– Что-то чай сегодня очень горький.

– Это отвар хвои. Надо пить, иначе совсем ослабнете. Похлебки сегодня не будет.

Во дворе госпиталя взорвалась бомба, убив санитаров и вновь прибывших раненых.

Владимира мучили воспоминания. Перед глазами стояла кровавая картина его последних мгновений в недостроенном блиндаже перед тем, как потерять сознание. На полу содрогалось в агонии тело политрука, перерезанного осколком пополам. Сидевшему рядом бойцу оторвало ноги. Володю спасло от смерти бревно, подпиравшее потолочную перекладину. Большая часть осколков застряла в нем. Это было настоящим чудом, что его, истекающего кровью, кто-то смог вынести под перекрестным огнем.

– Почему ты перестала уходить домой, Танечка?

– Нет больше дома. И мамы нет, и сестренки.

Володя слабо сжал тонкие пальчики медсестры. Как же перенести то, что невозможно вынести человеку? Кровати в палате пустели одна за другой. Раненые начали умирать от голода и холода. Медперсонал еле передвигался. Ежедневная пытка голодом была страшнее боли от ран. Некогда богатырское тело Володи иссохло. Раны заживали медленно. Каждый прожитый день был маленькой победой над смертью. Лишь огромное желание увидеть родной дом и обнять маму не давало угаснуть в нем огоньку жизни. В ноябре ударили сильные морозы. Вскоре окреп лед на Ладоге. По этой единственной магистрали могли проехать грузовики с продовольствием. Стали давать хлеб к похлебке из жмыха и еловой коры. Заговорили об эвакуации раненых по Дороге жизни.

– Видишь меня? – снимая повязку с оперированного глаза, спросила Таня.

– Немного. Все вокруг такое красное.

– Пройдет. Подберут тебе большую линзу – и немножко будешь видеть.

– Думаешь, есть смысл жить таким инвалидом?

– Есть! Раз уж ты жив остался в этом аду.

Вскоре стали составлять списки тех, кто мог передвигаться, чтобы отправить в эвакуацию. Володя настоял, чтобы его записали. Он лишь начал немного присаживаться в кровати, но надеялся, что за несколько дней научится вставать. Превозмогая сильную боль, он поднимал себя усилием воли. Первый же шаг на костылях окончился падением. Извиваясь беспомощной гусеницей на полу, он не хотел сдаваться. Приближался день отправки. Ходить Володя так пока и не научился. Хорошо, что подобрали очки и сейчас он мог видеть, в какую сторону ползти.

– Как же мне надеть на тебя гимнастерку и брюки? Рука не сгибается, нога в гипсе.

– Ножницами разрежь их, а потом на мне зашьешь.

– И рукав шинели тоже резать? Может, со следующей партией позднее поедешь?

– Не могу здесь больше, Танечка!

До Ладожского озера путь был неблизок. До железнодорожной станции под артобстрелом раненых везли на автобусе по изрытой снарядами дороге. На каждом ухабе слышались стоны и ругательства. Владимир так закусил губу, что на ней выступила кровь. Если до автобуса он кое-как добрался с помощью Тани, то на станции просто выпал из дверей на снег и пополз за всеми. Вскоре он остался на тропке один. Голоса все отдалялись. Путь ему преградила упавшая от взрыва балка. Перебраться через нее уже не было сил, и заочневшее тело не слушалось. Володя долго лежал, понимая, что замерзает. Послышался скрип чьих-то шагов.

– Кажется, живой.

– Доставай плащ-палатку, дотащим до поезда.

Его закинули в пустой вагон, оставив лежать на полу. Вскоре подвезли новую группу раненых. Глубокой ночью поезд тронулся. Володя лежал под сиденьем, прижавшись к стене. В небе послышался тяжелый гул моторов. Бомбы начали рваться в стороне от поезда. Может, вражеские летчики не заметили среди снегов побеленные для маскировки вагоны. Может, бомбили другой объект. Здоровым глазом Володя увидел, что уже рассветало. Вдруг рвануло рядом с вагоном. Осколки снаряда пробили стену. Сидевшие над ним бойцы замертво упали на пол. Володя чувствовал, как намокает от чужой крови рукав его шинели. А по его щеке текла струйка от вонзившегося оконного стекла. Он снова выиграл в схватке со смертью.

– Накроем вас белыми простынями. Никому не высовываться!

– Даст бог, не уйдем под лед.

Беленые грузовики с ранеными колонной двинулись по Дороге жизни. Предстояло проехать 30 километров под налетами авиации, артобстрелом, вилля между пробитыми бомбами полыньями. На больничных машинах и зданиях госпиталей давно никто не рисовал символику Красного Креста, запрещающую бомбить раненых. Фашисты не признавали общечеловеческих законов. К середине пути было потеряно уже больше половины машин. Они ушли на дно вместе с людьми. Кто успел выплыть, замерз на дороге. Все вокруг было густо усеяно трупами. Всего пять машин дошли до берега, но Володя не запомнил этого момента. Трое суток без крошки еды лишили его последних сил и сознания.

– Очнулся, везунчик. До чего ж ты худой-то. Вылитый скелет. Сейчас дам тебе три ложки бульона.

– Щедрые какие.

– Ну-ну, пошути. Больше-то нельзя пока. Эх, отучили вас фрицы от еды. И от бани. Да что там, от всего отучили...

И снова госпитальная палата... уже в тылу. Едва подлечившись, Володя запросился домой. Нога по-прежнему не слушалась, и рука не сгибалась, но он мог пройти несколько шагов на костылях. Из тела до сих пор с кровью и гноем выходили осколки. Да, земляки не сразу узнают в изможденном инвалиде того румяного, плечистого силача. Как-то надо жить... В природе всюду бушевала весна. Гомон прилетевших птиц доносился в открытое окно. Нестерпимая тоска по дому не давала спать ночами. Скоро посевная, женщины снова будут вместо лошадей таскать плуг. А он даже не сумеет помочь. Как же смотреть на это? В одну из ночей приснился сенокос. Как пахла земляничкой скошенная вдоль кромки леса трава! Осталась ли в деревенских дворах скотина? Будет ли нынче кого кормить сеном?

– Володенька, ты ли? Да что же это? – мать с рыданиями бросилась ему на грудь. У стоящей рядом сестренки был растерянный вид.

– Не плачь, мама. Главное – живой.

В зарастающем березками поле стоит небольшой памятник. На табличке выбиты имена тех, кто не вернулся с войны. И хотя давно уже нет их родной деревни, скромный обелиск хранит память о суровом военном времени. Она жива в сердцах тех, кто приезжает сюда поклониться родной земле и погибшим за ее освобождение. И долг старшего поколения – передать эстафету памяти младшему, как и сделали мои родители. Когда-нибудь я привезу сюда своих детей. Я сохраню старую фотографию, с которой снова сквозь время будут смотреть на нас простые деревенские мальчишки, навеки молодые и беззаботные. Каждый семейный альбом свято хранит для будущих поколений страницы такой дорогой и понятной истории, не замутненной и не искаженной временем, в знак памяти и благодарности.

**Илюшкина Татьяна
Александровна
11 класс**

Наставник – Федотова Юлия Николаевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 12 с углубленным изучением отдельных предметов

Московская область

Мама вернулась!

...Теперь уже не помню, где впервые увидела картину Нины Марченко «Мир. Конец войны». Бывают такие произведения искусства, которые буквально впечатываются в память, проникают в сердце и становятся настоящим открытием. Я словно прочитала еще одну страницу Великой Отечественной войны, сумела пропустить поистине всенародную трагедию через свою душу. Что могла говорить и чувствовать девочка, прижавшаяся щекой к матери, вернувшейся с фронта?

Свет проникал сквозь мои веки плавно и медленно. Я жмурилась изо всех сил, лишь бы не лишиться сна и затянуть это мгновение, но все-таки проснулась. Солнечный луч шел из далекого космоса (о котором я так много читала в книгах), проходил сквозь воздух в атмосфере и нашу оконную раму, но все же ясно и упорно стучался в закрытые ставни моих век.

Удивительно, но в этот день я почему-то захотела встать с постели как можно скорее, хотя четыре года уже прошло, как меня будила то зажженная бабушкой свеча, то плач младшего брата, то вой февральской вьюги. Но больше всего мне нравилось, когда именно солнечные лучи щекотали мое лицо и заставляли проснуться. Они напоминали мне маму. Мне кажется, что солнечный луч совсем скоро превратится в нее, самую ласковую и добрую, дарящую тепло.

Ее руки, конечно, были очень нежны и осторожны, когда она перевязывала наших раненых. Я всегда пытаюсь представить ее на фронте, в окопах, склонившуюся над окровавленными бойцами. И всегда, думая о маме, вижу свет. Ее пшеничные волосы отливают золотом, а в ловких руках сияют снежной белизной бинты. Это все фантазии, в бою все не так, это я знаю. Однажды сражение гремело рядом с нашим поселком. Целый день мы просидели с бабулей в погребе. Ушли снаряды, земля гудела, а худые руки бабушки крепко обнимали нас с братом. Ее старое сердце стучало так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. И еще мне чудилось, что после каждого залпа откуда-то из самых недр земных доносится тяжкий стон – стон боли и горя. А после боя в поселок вошли наши солдаты, окровавленные, грязные, уставшие, с почерневшими лицами. Мы с бабушкой топили печь и грели им воду, стелили чистые простыни и все спрашивали про папу и маму: может, что слышали? Но никто ничего не знал...

Одной декабрьской ночью мне приснился сон. Светило яркое солнце, а из волшебного света будто выходила мама, которая ушла на войну четыре года назад. Она улыбалась и смотрела мне в глаза, поправляя волосы. После этого сна я точно знала, что она вернется. Вернется живой. Это я упорно повторяла своему брату Сашке, который каждый день задавал один и тот же вопрос: «Когда? Ну когда мамочка придет?» Бедный малыш, он родителей почти не помнит.

Если честно, были минуты, когда я думала, что вру сама себе. Похоронка на отца дошла до нас уже после того, как миновал месяц после его гибели. А жива ли сейчас мама? Может, холодное и страшное письмо в пути? Эти мысли приводили меня в ужас: я закрывала лицо руками и вспоминала все самое доброе в жизни: мою первую в жизни пятерку, учительницу в любимой школе, ромашки, которые папа дарил маме каждый ее день рождения.

По радио сказали, что всех женщин совсем скоро демобилизуют. Бабушка, услышав это, медленно перекрестилась и прошептала: «Даст бог, дождемся!» И потеплело у меня на душе...

Я встала с кровати и подошла к окну. Бабушка давно проснулась, достала из печи чугунок и налила в него теплой воды, чтобы помыть Сашку. Мне опять стало обидно за него: меня в его годы всегда мыла мама, а вот братишка знает родителей только по фото и по нашим рассказам.

Мою мысль прервала заскрипевшая дверь. Кто-то несмело приоткрыл ее, как будто бы не заглядывая внутрь. Бабушка оторвала взгляд от Сашки и подняла голову. Господи, я так долго ждала этого момента, так часто представляла себе, как это будет, что первые несколько

мгновений боялась повернуть голову к двери и смотрела только на бабушку. Ее лицо вдруг вспыхнуло, осветилось какой-то невиданной радостью, губы тронула улыбка, а в глазах заблестели весенними дождевыми слезы. Саша удивленно открыл рот, поднял свои светлые бровки-щетинки; он что-то хотел сказать... И тут я увидела ее! В наш дом будто бы проникло солнце! На пороге стояла мама! Это сама мирная жизнь пришла в наш дом, прогоняя страх и боль.

Меня будто бы оглушило. Первые секунды я увидела только ее золотистые волосы, которые стали намного короче. Луч, который будил меня своим сиянием, – это был образ ее волос, смотря на которые я засыпала в детстве. Осознав это, я кинулась к маме на шею. В мои веки опять стучался свет – свет любви и нежности, исходящий от этой хрупкой, но сильной женщины. Я чувствовала тепло ее рук, прижимаюсь к порывавшей гимнастерке. Мама вернулась! Мир. Конец войне!

Женщины! Самой природой они созданы для того, чтобы дарить жизнь, наполнять мир добротой и нежностью. В истории нашей Родины были годы, когда женщинам пришлось вместе с мужчинами защищать свою землю, идти на смерть, чтобы победить гнилую фашистскую нечисть.

Картина Нины Марченко оптимистична и светла, но в ней мудрый автор запечатлел и скорбь народную, которую, безусловно, заметит чуткий зритель.

Подвиг нашего народа велик именно потому, что от каждого советского человека он требовал полной отдачи сил и совершался непрерывно в течение долгих 1418 трудных и страшных дней.

Третьяк Мария Викторовна 10 класс

Наставник – Смирнова Лилия
Анатольевна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
городского округа Королев
Московской области «Гимназия № 5»

Слово из шести букв

Пожар за рекой все ярче, кольцо вокруг все туже, и на всех знакомых лицах: между бабушкиными морщинами, на папиной жесткой щеке и даже у мамочки на пальчике – уже видно это слово. Большое и страшное слово из пяти... нет, шести черных и злых букв. Я не знаю, почему я его вижу, его видят все. Оно написано у всех на лицах, рядом с ужасом, который всегда вместе с этим словом. Я уже сама боюсь посмотреть в зеркало – только бы не увидеть его, заплетенное в косе или написанное между бровей.

Немцы сказали нам собраться во дворе у нашего председателя. Я не знаю зачем.

– Тим, иди ко мне!

Мы идем медленно, меня держит папа, а я – Тима. Перед нами прошел толстый солдат с винтовкой. Папа вдруг дернул меня за руку и толкнул с дороги:

– Бегите в лес!

– Папа...

– Сейчас! Быстро!

Маленькие пальчики Тима выскользывают из моих рук, но мы бежим, не оборачиваясь, прямо к тому дальнему холму. Там нас никто не найдет. Сзади раздалась немецкие команды и крики людей, как будто они не люди, а голодные звери и сейчас нас съедят.

Мамочки, нас что, увидели?!

Я дернула Тима за ручку, и мы вдвоем покатались за большой куст сирени. Раньше мы прятались тут от родителей, когда ходили в лес за ягодами. У нас была такая игра: кто последний добежит до этого кустика – несет всю корзину с ягодами домой. Последним всегда прибежал Тим, но мама сжаливалась над ним, потому что ему всего три, а мне уже целых девять.

Тим начал плакать и колотить меня по голове. Глупый, не понимает, что нас могут услышать! Чьи-то знакомые голоса... Мамочка! Мама! Зачем эти немцы заталкивают тебя в сарай? Папа, папа, помоги ей!..

Вот захлопнули дверь и заперли на замок. Высокий немец подошел к стене и написал на ней какое-то слово. Наверное, это и есть то самое слово из шести букв: другого они не пишут.

Толстый солдат теревит что-то между своих пальцев, и у него явно ничего не получается, потому что мешает винтовка на плече. Сейчас немец снимет ее и продолжит нервничать. Он громко ругается и выбрасывает какие-то грубые немецкие слова на своих товарищей, которые хохочут. Высокий немец прикрикнул, подошел к толстому и отобрал у него маленький коробок. Секунда – и на спичке огонь.

Они же сейчас всех сожгут! И маму, и папу, и тетю Надю... Тима, бежим, бежим отсюда скорее. Мамочка, мама!

Но Тимофей, кажется, не понимает, что происходит. Я уже встала с земли и подняла его, как вдруг он вскрикнул:

– Наташа, смотри, Ваня!

Где? Он бежит сюда? Ванька – мой лучший друг – как ты вылез из этого сарая? Теперь мы пойдем втроем, прямо в лес, нас никто никогда не найдет, беги к нам, скорее...

Но тут – выстрел, и Ваня... падает.

Колючие ветки путаются под ногами, шлепают по лицу, царапают Тимкины щеки, и все кажется, что этот толстый с винтовкой бежит за нами, чтобы схватить и тоже сжечь... Сколько еще бежать?.. Господи...

Вдруг сзади хруст. Я оглянулась – чаща.

Начало темнеть, и мне пришлось взять Тима на руки. В правом боку что-то ужасно колет. Проклятые немцы!

Я посадила Тимофея под большое ветхое дерево – кажется, это клен, – и упала рядом с ним. Перед глазами плавает фигура высокого солдата, бросающего факел в сарай; винтовка толстого; смех и крики; Тимина рука, щека и левый глаз; моя мама там... Пусти, пусти меня! Мама! Беги оттуда, они тебя убьют! Поднимается Ваня и падает прямо на меня. Тима-а-а, где ты?..

А он сидит рядом и трясет меня за грязный рукав моего платья.

– Наташа, проснись, Наташа! Мне страшно, там, там кто-то сидит. Это папа, Наташа, смотри!

Я тут же вскочила и начала всматриваться в бездонную темноту – все мертво. Лес мертв, ночь мертва, папа...

– Не бойся, Тим, это птичка спрыгнула с ветки.

Утро раскрашивает небо в яркий оранжево-розовый цвет. Это уже третье утро, когда я пытаюсь найти что-то более существенное, чем горстка малины.

Над головой, разрезая утреннее небо своими острыми, как папина бритва, крыльями, летит косяк журавлей. Это странно, ведь сейчас не сентябрь. Наверное, они тоже бегут, но не от солдата с винтовкой, а от Бабы-яги.

Деревья встают непроходимой стеной так, что приходится изворачиваться, чтобы иголки не били по глазам. Мне кажется, у меня весь нос в крови – я вчера больно упала: просто подумала, где сейчас моя мама?..

Все, не могу больше! Я упала на колени и обхватила руками липкий сосновый ствол. Из глаз вдруг потекли слезы – все, больше не могу!

– Наташа, вставай! Смотри, Наташа, это же поле.

Тим просто не может видеть слез, он их не любит... Но, кажется, там... кончаются деревья.

– Туда, Тим, скорее...

На порог ветхого, покосившегося домика немолодой уже санитарки упали двое изможденных, испуганных детей – мальчик и девочка, чудом убежавшие от толстого человека с винтовкой, от его высокого помощника и от жуткого черного слова из шести букв: СМЕРТЬ.

Джалилова Издаг Давудовна
11 класс

Наставник – Эльмирзаева Издаг Омарасхабовна, учитель дагестанской литературы

Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 8» г. Избербаш Республики Дагестан

Республика Дагестан

Рубиновое колечко

Магомед стоял, виновато опустив черную курчавую голову, и молча слушал наставления отца. Никто и никогда не мог заставить этого дерзкого мальчишку стоять в таком повиновении. Но отца Магомед не то что боялся, отца он уважал и гордился им. На этот раз Магомед ослушался наказа и тайно последовал за отцом в приморский поселок, куда тот приезжал из села каждое лето на заработки на нефтяные промыслы. Ему приходилось нелегко: семья большая, дети один за другим незаметно подросли.

Не успел Джалил-ада отчитать сына и ненадолго отлучиться по делам, как тот уже завел знакомство с рабочими-нефтяниками и приезжими геологами. Его даже не смущало то, что он плохо знает русский язык. Удивительно, но диалог у них не только состоялся, но даже был очень бойким!

Так и остался Магомед с отцом в поселке нефтяников на берегу Каспийского моря и очень скоро полюбился всем за свою расторопность, за веселый и смелый нрав, за желание все познать. После тяжелого рабочего дня любил он вместе со всеми сидеть у костра и слушать разные истории, пытаясь понять каждое слово, иногда донимал вопросами. Уж больно интересно было все.

Проснулся Магомед от какого-то непривычного шума: взволнованные голоса, непонятная суэта – все настораживало.

– Ада, а что случилось? – спросил он у отца.

– Война, сынок... – сухо ответил Джалил и, выйдя из барака, направился к конторе, где начали собираться люди.

Через месяц Джалил со старшими сыновьями были в районе на призывном пункте, оттуда ушли на фронт. Каждое утро с первыми лучами солнца отправлялся Магомед на призывной пункт в райцентр, назойливо досаждал там всем, просил отправить на фронт. Но от него отмахивались: «Не мешай работать, приходи через четыре года. А пока помогай в колхозе».

И все-таки Магомед сделал задуманное: никто и не заметил, как среди новобранцев, которых везли на вокзал, в машине-полупортке оказался чернявый подросток. Но и тут не сдался неугомонный сын Джалила. Он взобрался на крышу вагона и залег там, потом, когда стемнело, спустился в товарный вагон, улегся на кучу угля и уснул крепким сном с чувством победы. Когда просыпался, он лежал, заложив руки под голову, глядел в звездное небо и слушал мерный шум стучащих колес. «Вот закончится война, пойду учиться на геолога, а пока надо гнать этих проклятых фашистов с нашей земли», – думал он.

Страшный взрыв и толчок вагона разбудили Магомеда. Спросонья он не мог ничего понять. Кругом все горело, свистело, взрывы слышались то там, то здесь, люди с криками выбегали и бросались в разные стороны.

– Самолеты... Немцы... В лес... Все в лес... – отдавал кто-то приказы командным голосом.

Магомед, увидев в небе самолет, который развернулся и опять готовился обстреливать поезд, спрыгнул с вагона и юркнул в кусты. Как раз в это время за спиной он услышал страшный взрыв, ночное небо осветилось ярким пламенем и все кругом стало гореть. Долго еще сверху сыпал уголь, на котором несколько минут назад он беспечно и сладко спал.

Всю ночь и следующий день бродил по лесу Магомед, грязный, оборванный, голодный. Он шел не зная куда. Вдруг услышал шум машин и рокот нескольких мотоциклов. Внимательно приглядевшись, Магомед понял: «Ах вот вы какие – фашисты!» Они проехали совсем рядом, так что он мог услышать их непонятную речь. Дождавшись, пока они исчезнут из виду, Магомед пошел к дороге, где прочитал: «Ростовская область Сальский кирпичный завод». Он решил дождаться ночи.

Разбудили Магомеда лай собак, жалобный плач детей и громкие причитания женщин. Ползком подобрался он к обочине, и увиденное бросило его в ужас: у огромной ямы были выстроены старики, женщины с малышами на руках, а напуганные дети прятались за ними

и плакали. Один за другим раздавшиеся залпы подняли в небо напуганных ворон, и в воздухе остались только лай немецких собак и крики улетающих птиц.

Никогда Магомед еще не испытывал такое: страх, досада, злоба, щемящая боль, от которой каждая жила вот-вот готова лопнуть от напряжения. Он плакал, кусая в кровь губы, сжимая до судороги кулаки. Он услышал недалеко от себя легкий шорох: это была девочка лет четырнадцати. Закрыв глаза руками, она плакала, еле сдерживая стоны, и хотела бежать. Магомед успел зажать ей рот и спрятать ее под собой. Немцы слышали шум в кустах. Один, с автоматом наготове, направился в их сторону. Но, побоявшись лезть в чащу, остановился, злобно пролопотал на своем, будто пролаял, и пошел обратно.

– Ты кто? – спросил Магомед, как только все успокоилось.

– Бася, – тихо ответила девочка, еще всхлипывая и утирая слезы. – Нас сдали полицаи. Мой отец – библиотekarь. Он помогал партизанам, прятал в подполе провизию, которую приносили соседи, а ночью забирали партизаны. Когда нас и соседей забрали полицаи, потому что мы евреи, тетя Нюра спрятала меня и ночью велела бежать в лес. Вот я здесь, а все мои там – девочка дрожащей рукой показала в ту сторону, где немцы учинили зверство. Но она боялась посмотреть туда. Он по-братски нежно обнял ее худенькие дрожащие плечики и, совсем не стыдясь своих слез, дал понять, что никто не посмеет ее больше обидеть.

Взявшись крепко за руки, в оборванной одежде, с размазанными лицами, голодные и истощенные, бродили по лесу совсем не знавшие, но так искренне доверившиеся друг другу дети – дагестанский озорной мальчишка и нежная девочка-еврейка. Иногда она начинала навзрыд плакать, Магомед ее утешал и сам не понимал, как находил такие слова. И Бася покорно шла за ним, совсем незнакомым грубоватым и дерзким мальчиком с непривычной для нее внешностью. Он был словно натянутая струна, смуглый, горбоносый. Длинные курчавые волосы спадали на лоб, и из-под них глядели острые черные глаза. В его худых, но жилистых руках была невероятная сила. Магомед крепко держал ее за руку и молча шел впереди, прикладывая палец к губам, выразительным взглядом показывал, куда ступать и в какую сторону идти.

Ночью оба не могли уснуть, и тогда он рассказывал о звездах, о горах, о море, хвастаясь своими знаниями, которых набрался у геологов. А Бася читала ему поэму Лермонтова «Мцыри», которую знала наизусть, и, смеясь, призналась, что он очень похож на этого грузинского юношу. Магомед был очарован поэмой.

– Есть очень много интересных книг. Вот закончится война – вместе почитаем, – сказала Бася и засмушалась.

Так незаметно они уснули, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Магомед проснулся от того, что кто-то заботливо, стараясь не напугать, трепал его по плечу.

– Вот чертяги. От немцев бежали, – слышался веселый басок.

– Подъем, беглецы, – произнес стоящий рядом человек в телогрейке.

– Да это же Бася, Данилова дочь...

Так Магомед и Бася оказались в партизанском отряде, где их накормили, одели и решили отправить в тыл. Что только ни придумывал Магомед, на какие только уловки ни шел, но в отряде Югова под названием «Отважный» все-таки остался. А девочку решили отправить в госпиталь в Ростове и пристроить санитаркой. На прощание Бася поцеловала своего спасителя в щечку и в ладони его оставила маленькое колечко с рубиновым камешком:

– Найди меня после войны. У меня нет больше никого.

Многое повидал Магомед за четыре года, многому научился. И сам бил, и битым был, но головы своей ни перед кем не склонил. Одним желанием горел: Родину от фашиста проклятого освободить и домой вернуться. А еще он хотел девочку Басю найти и к себе в Дагестан увезти. Уж больно глубоко в сердце слова ее залегли. И контуженым был, и раненым, а однажды с того света еле вернули, потому как в боях отличался особой смелостью и отвагой. Но живой и здоровый до Берлина дошел.

Высокий, статный, в плечах широкий, в солдатской шинели с вещмешком через плечо, шагает по улицам Ростова советский солдат Магомед Джалилов, спрашивает госпиталь. Коротко стриженные смоляные волосы еле умещаются под пилоткой с красной звездой, жгучие черные глаза бегло ищут едва знакомый образ, а в большой мозолистой ладони зажато нежно хранимое золотое колечко с рубиновым камнем.

Но, увы... Не суждено было Магомеду надеть это колечко на тоненький пальчик Баси, девочки-еврейки, которую он спас и сейчас хотел увезти к себе в Дагестан, чтобы сделать счастливой. Рассказали ему:

– Полюбилась она всем: ласковая была и добрая, не жалея себя, работала, помогала всем. Во время бомбежки, когда спасала раненых, погибла сама, осталась дочка ее, десяти месяцев от роду. И отец ее погиб, врачом был хорошим. Не посмели девочку в приют отдать, так и оставили в госпитале. Не знаем, что и делать с ней, куда деть.

Всем селом праздновали возвращение строптивного Магомеда. Как ушел на фронт незаметно, так и вернулся неожиданно. Ни писем не

было, ни весточки. Никто и подумать не мог, что таким возмужавшим, обвешанным орденами вернется сын Джалила, да еще и с ребенком – девочкой.

Потекла мирная жизнь своим чередом. Отучился и вернулся в село Магомед, стал в школе работать. Женится, стал старшим в семье, потому как отец и братья погибли, защищая Родину на разных фронтах. Детишки пошли, а Басира – старшая дочь и всеми любимая – высокая, стройная, с черными кудрями и жгучими большими глазами, как у газели, была отрадой и гордостью отца, украшением его большой семьи.

После школы повез Магомед дочь свою в столицу, в Махачкалу, где поступила она на учителя истории учиться. Пять лет, как пять дней, прошли...

Теплый летний ветерок слегка теребит черные кудри, волнами ниспадающие по худеньким плечам девушки. Напротив нее за маленьким столиком в летнем кафе сидит седой смуглый мужчина. Он нежно и с заметной гордостью любит дочь, окончившей учебу с отличием. На лице его в складках морщин появилась скупая мужская слеза. Он протянул руку, и в ладони его блеснуло золотое колечко с камнем рубина.

– Возьми, доченька, надень его. Это все, что осталось от твоей матери.

И рассказал Магомед Басире, кто она, в честь кого ей дал он это имя. Рассказал о том, как фашисты устроили геноцид и зверски уничтожили евреев, о том, что она – еврейка и теперь вправе сделать свой выбор, ведь до сих пор ни она, ни кто другой не знал, что Басира вовсе не дочь Магомеда, что ее родила спасенная им в ростовском лесу еврейская девочка Бася.

Басира Джалилова сделала свой выбор: она – член поискового отряда и участник раскопок кирпичного завода города Сальск Ростовской области, места, которое называют «карьером смерти». Она – член Международной ассоциации борьбы с геноцидом и холокостом.

– Отец, ты говоришь мне сделать выбор? Кто я? Меня родила еврейка. Выкормили и не дали умереть русские женщины. Вырастил и воспитали в дагестанской семье. Что же я должна выбрать? А разве не все равно, кто я. Люди молятся каждый своему богу, но мы ходим под одним небом. Мы говорим на разных языках, не похожи друг на друга, но все одинаково хотим счастья и мира. И что бы мы ни говорили, ни делали, под нами одна общая земля. Тогда о каком выборе идет речь, отец? Я хочу просто жить, быть счастливой, любить и быть любимой. А для этого выбирать не надо... Этого хотят все... Я, как и ты когда-то, выбираю Жизнь, Любовь, Счастье!..

**Шевлякова Валентина
Романовна
11 класс**

Наставник – Лаптева Татьяна Владимировна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение города Новосибирск «Гимназия № 7 «Сибирская»

Новосибирская область

Иди и смотри. Помни. Не пропусти!

Есть произведения, после прочтения или просмотра которых не можешь произнести ни единого слова, потому что ужас сковывает тебя, а сознание не может и не хочет принять то, что ты представил или увидел. Именно такое впечатление оставляет фильм Элема Климова «Иди и смотри», вышедший на экраны в 1985 году и основанный на событиях 1943 года, происходивших во время оккупации Белоруссии немецкими захватчиками – во время партизанского сопротивления карателям, безжалостно уничтожавшим ни в чем не повинных мирных жителей.

Проблема геноцида – массового насилия и уничтожения – стала главной проблемой, которую поднимают в этом фильме знавшие о войне не понаслышке авторы сценария – режиссер Элем Климов и белорусский писатель Алесь Адамович, ранее уже написавший художественную повесть о хатынской трагедии и участвовавший в создании документальной книги «Я из огненной деревни». Показанные в фильме военные действия – реальная, а потому ужасающая картина жестокости войны, леденящая душу история о том, в какого зверя может превратиться человек, когда им движет идея превосходства над другими людьми.

События всего фильма показаны глазами главного героя – деревенского мальчика-подростка Флеры, роль которого исполняет Алексей Кравченко – в период съемки фильма непрофессиональный актер, искренне переживавший все, что происходило в создаваемой реальности. К концу сюжета от жизнерадостного мальчишки ничего не осталось: теперь это седой старик, а на лице – ужас от увиденных издевательств и убийств. С первых же кадров актеры смотрят прямо в камеру – и Флера, и Глаша, девушка, которой хочется жить и любить, «рожать детей», как говорит она сама. Но страх в их глазах передается нам, зрителям, и мы видим все их глазами: расстрелянные жители деревни за сараем, среди которых мать и сестренки-близняшки Флеры, умирающие от голода женщины, мужчины, дети, старики, спасшиеся от озверевших фашистов на острове, обгоревший староста, убитый партизан по прозвищу Рубеж, изнасилованная и обезумевшая молодая женщина, с циничным смехом оставленная на дороге кровать с лежачей, неспособной двигаться старухой, пылающие избы...

Кульминацией картины является беспощадная расправа над жителями деревни, которых загоняют в амбар и заживо сжигают: жутким «аккомпанементом» для душераздирающих криков женщин и детей становятся развеселая немецкая музыка и лай немецких овчарок. Могло ли такое быть? Может ли такое быть вообще? Могло. Было. Важным моментом фильма стало признание одного из карателей – да, именно он сказал людям в амбаре перед их смертью: «Без детей – выходи. Детей оставить». И это не просто бездушие, жестокость, деградация души, это реализация чудовищной антигуманной идеи: «не все народы имеют право на жизнь... вас не должно быть». Этот «защитник» «чистоты немецкой нации», аргументируя свои действия, говорит, что с детей начинается все. И в этом он прав. Вряд ли те советские дети, Флеры и Глаши, которые прошли через ад войны, смогли простить нацистам их преступления – гибель близких и выжженную землю... Да и можно ли простить или хотя бы понять уродливую по своей сути идею террора, возведенного по отношению к гражданскому населению в ранг государственной политики? Как простить, что за три года оккупации жертвами нацистской политики в Белоруссии стали 2 230 000 человек?..

Кроме того, что мы видим в фильме, воздействует на нас и то, что мы слышим: еле уловимая речь и голоса, рычащие, осипшие. Диссонанс звуков, музыки – от песенки из кинофильма «Цирк», звона в ушах контуженного во время бомбежки Флеры до «Реквиема» Моцарта – отражает душевное состояние героев, которые в начале

фильма бросаются из слез в смех и обратно, подчеркивает диссонанс сюжета и идеи в целом, когда молодость, которой «назначено» жить, радоваться, любить, превращается в старость – от пережитого кошмара смерти, от ставшего явью апокалипсиса...

Детали в фильме помогают поставить смысловые акценты. Когда герой поднимает голову, на белом квадрате неба снова и снова пролетает двухмоторный самолет, предупреждающий о скорой беде, – расслабляться нельзя даже на секунду. Этот самолет, почти игрушечный, – смерть. Брошенные посередине комнаты куклы, лежащие лицами вверх, с раскрытыми, «застывшими» глазами, – тоже смерть. Аист с перебитым крылом, который не может летать, – символ невозможного, жестоко разрушенного войной семейного счастья. И сидящая в автомобиле немка, жующая и не обращающая никакого внимания на гибнущих людей, и портрет Гитлера, который расстреливает Флера (но, представив Гитлера ребенком, сделать выстрел не может!), – все это заставляет думать, задавать вопросы. Искать ответы. И ответ один: намеренное, целенаправленное уничтожение человека – геноцид – противоестественно, чудовищно.

Нельзя не отметить профессиональную съемку: отсутствуют статичные кадры, каждый момент пропитан движением, реальным или душевным. Благодаря этому создается ощущение, что ты находишься рядом и видишь весь ужас происходящего. В этом смысл названия фильма – «Иди и смотри». Оператор дает возможность почувствовать, что творится в душах жертв нацистского террора: все внимание направлено на эмоции, переживания героев, которые невозможно не только не заметить, но и забыть. Лицо Флера, его слезы, его плотно сжатые губы, как печать, остаются в памяти, «стоят перед глазами».

Невозможно стереть из памяти и один из последних кадров – на черном фоне красными буквами, кровью погибших, написано: за время немецкой оккупации сожжено 628 белорусских деревень вместе со всеми жителями. Только вздумайте: за все годы войны подобные события происходили не в одном десятке тысяч поселений. Страшно? Страшно. Безумно. Трагично. И это ужасающий итог (только часть его!) того процесса, который авторы фильма представляют в ретроспективе документальных кадров: черно-белое кино возвращает нас в прошлое, приводит к истокам – от устрашающих картин немецких лагерей к началу Второй мировой войны, приходу нацистов к власти, выступлениям Гитлера, Первой мировой войне...

Фильм «Иди и смотри» был признан лучшим фильмом 1986 года. В 2019 году американский кинотелепортал Screen Rant составил подборку десяти лучших фильмов о Второй мировой войне: «Иди

и смотри» занял в списке первую строчку. Пожалуй, он и сейчас остается тем фильмом, который нужно смотреть. Смотреть – и помнить о тех кровавых, бесчеловечных, уничтожающих и уродующих человека событиях, чтобы никогда не позволить приверженцам идеи геноцида уничтожить жизнь. Это фильм-призыв: иди и смотри. Помни. Не допусти!

**Тамбовцева Юлия
Александровна
10 класс**

Наставник – Динькевич Татьяна Николаевна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное общеобразовательное автономное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Шимановска»

Амурская область

Мне было только семь...

Июнь 1941 года... Небольшая квартира на окраине Ленинграда. Солнечные зайчики скользят по столу, накрытом тканой скатертью, прыгают по этажерке с книгами, прячутся в абажуре.

Моя старшая сестра Оленька, которой в мае исполнилось семнадцать лет, режет ароматный хлеб, аккуратно кладет его в корзинку. Веснушки, рассыпанные по всему лицу, светятся в лучах утреннего солнца. Мама помешивает кашу с такой любовью, что даже манные комочки растворяются от ее теплого взгляда. Густые темные волосы спрятаны под платок красного цвета. Губы слегка шевелятся, и я понимаю, что она напевает свою любимую песню «Синий платочек» Изабеллы Юрьевой. Отец, закинув ногу на ногу, вслух читает свежую газету «Правда»: «Летом в Ленинграде будет гастролировать Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР». В моих глазах загорелся интерес. Но тут раздается команда: «Все за стол!»

Счастливое детство, любовь родных, мирное небо... Тогда трудно было представить, что совсем скоро мой мир разорвется на "до" и "после", что из беззаботного ребенка я превращусь в сурового, не по-детски познавшего боль и страх человека.

Война... 23 июня 1941 года отец ушел на фронт. Иногда от него приходили письма-треугольники из обычных тетрадных листков. Для нас это была большая радость. Но вскоре эта связь прервалась: писем больше не было. Мать работала на Обуховском заводе, на который

принимали подростков и женщин. Производили артиллерийские боеприпасы, работа шла днем и ночью. Нам с сестрой приходилось выживать самим. А мне только 6 лет.

Зима 1941 года была особенно суровой. Я проснулся рано утром от холода, посмотрел на замерзшее окно: на фоне бумажных крестов красовался ледяной лис в завитках инея. Мне захотелось его согреть. Подышал на стекло и протер его уголком одеяла — стал виден темный переулок, освещенный одним мигающим фонарем. Уже привычная картина: обледенелый трамвай, остановившийся на перекрестке, мешки с песком, которые защищали витрины магазинов.

Я услышал, как со скрипом открылась входная дверь. Это мама вернулась с работы. Ее ресницы покрыты инеем, лицо бледное, усталое. Из холщовой сумки она бережно достала три кусочка хлеба. Блокадный хлеб, дающий надежду на жизнь. Муки в нем было ненамного больше, чем жмыха, целлюлозы, отрубей. По 125 граммов для детей, а труженикам по 250 граммов. Но сейчас для нас нет ничего дороже. Я делил хлеб на два кусочка, один съедал за завтраком, а другой заворачивал в платочек, оставляя на вечер.

Мама сняла шаль, на поседевших волосах остался красный платок, тот самый, летний. Мое сердце сжалось в маленькую горошинку: вспомнилось счастливое довоенное время.

Чайник на печке-буржуйке засвистел. Оля разлила воду по ледяным кружкам. Я пил кипяток не торопясь, любил чувствовать жар, проходивший сначала по горлу, потом попадавший в желудок, согревая все мое тело. Голод не отступал, только слегка притуплялся.

В городе замерз основной водопровод. Воду носили ведрами из прорубленных в Неве лунок. «Надо бы сходить за водой», — мама медленно встала, сил у нее почти не оставалось. Взяв два ведра в одну руку, сани в другую, вышла из квартиры. «К обеду вернусь», — помнил я ее слова. Но ни к обеду, ни к вечеру она не вернулась. Я не понимал, что произошло, или мой мозг не хотел принять то, что могло случиться. Оленька пришла под утро. В руках она сжимала мамин красный платок. Я понял все...

Оля приняла взрослое решение ухаживать за ранеными защитниками Ленинграда в госпитале, который развернули в здании школы. Хрупкой девушке приходилось трудиться в тяжелейших условиях. Сестра очень изменилась: ее кожа стала фарфоровой, губы сухими и бледными, под глазами появились синяки... Уже два дня Оля не встает с постели. Изнурительный кашель забирает у нее последние силы. Я и сейчас помню ее последние слова: «Ты только живи, братишка...» Так я остался один.

Было пасмурно, небо заволокло дымом от снарядов. В воздухе витал запах едкой гари. Я бесцельно брел по улице, спотыкаясь о замерзшие трупы. Некоторые из них выглядели живыми людьми, просто заснувшими на белой простыне зимы, на лицах читалось некое спокойствие и облегчение. Я хотел такого же умиротворения. «Ты только живи... живи...» От бессилия опустил в сугроб и стал рисовать лиса, которого некогда видел на окне. Рисунки переносили меня из суровой реальности в волшебный мир грез и фантазий. Но ооченевшие пальцы перестали подчиняться. Сказка закончилась быстро.

Казалось, издалека слышался женский голос, кто-то настойчиво тормозил меня: «Меня зовут Мария Федоровна, я воспитатель в приюте. Пойдем со мной». Она протянула мне руку, я схватил ее так крепко, будто падал с высокого обрыва, но, завидев ветку дерева, схватил что есть мочи, чтобы удержаться. У меня появился шанс выполнить волю сестры. Жить!

В приюте я находился уже шестой день. Здесь было чуть теплее, чем в квартире, не из-за огня, горевшего в печке, а из-за атмосферы понимания и сочувствия к осиротевшим ребятам. Наступило 25 декабря 1941 года, мой день рождения. Если бы мама, Оля и отец были со мной в этот день, мне не нужно было бы никаких подарков, лишь видеть родные лица, чувствовать их любовь. Если бы...

Ко мне подошла Мария Федоровна. Потрепав волосы на макушке, она поцеловала меня в лоб, как делала это мама, и протянула вязаные рукавички. «Знаешь, кого ты мне напоминаешь, Ваня? — неожиданно спросила она. Я не знал, что ответить, и лишь часто моргал. — Моего сына... Он сейчас на фронте. Ты очень добрый и смелый, как он. Именно смелый. Понимаешь?..»

В 1942 году всех сирот отправили в срочную эвакуацию через Ладжское озеро. «Мы обязательно увидимся. Слышите? Я вас найду!» — кричал я сквозь слезы Марии Федоровне, ставшей мне дорогим человеком.

Ярко светила луна, будто помогая шоферу найти ледовую дорогу. Огни города таяли вдали. Я посмотрел вперед. Мне казалось, что весь мир в эту минуту остановился, что нет больше на всей Земле ни пуль, ни бомб, ни войны. Мое сердце стучит. Я чувствовал, что живу. Мне было только семь.

**Призенко Святослав
Дмитриевич**
10 класс

Наставник – Кожевникова Ирина
Артуровна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное автономное
образовательное учреждение
«Гимназия (английская)»

Магаданская область

Жаль, что я был ОДНИМ ИЗ вас...

Если бы лес умел говорить, то он бы рассказал людям обо всех ужасах, скрывающихся в его чащах. Мерзкие и отвратительные тайны вылезли бы наружу, а сам он бы горько плакал. Плакал долго, навзрыд, сводя с ума всех окружающих, зазывая их и маня к себе, словно сирены из греческих легенд. И тайн становилось бы все больше... Но лес не умеет говорить. Ему остается только безмолвно наблюдать, скрывая голоса, облики и силуэты от посторонних. Им это знать ни к чему. Он любит скрывать, в этом и есть его предназначение. Расстрелянного немецкого солдата и девочку, которую он пытался прикрыть собой, уже никогда не найдут. Одинокая поляна, где они уснули вечным сном, зарастет мхом, а плюшевый мишка, выпавший из маленьких ручек, станет молчаливым охранником... Лишь изредка холодный мелкий дождь оросит эту поляну, забирая с собой тепло. Но мы никогда об этом не узнаем, ведь лес не умеет говорить...

Кусты зашуршали, на поляну выбежал молодой мужчина в серой форме немецкой пехоты. Его сапоги были заляпаны грязью, а штаны и шинель облеплены желтыми вперемешку с красными листьями. За руку он держал маленькую девочку, лет шести от роду, одетую в ситцевое платьице и чулочки, в руках у нее был плюшевый мишка, незаменимый друг любого ребенка.

– Heilige Mutter Gottes, losgelöst ^{1!} - пробубнил себе под нос солдат. Его рука по-прежнему держала девочку, от чего у той на глаза постепенно набегали слезы.

– Спокойно, kinder², я nicht³ обижать тебя. Я хороший солдат, спасал dich⁴.

Хватка ослабла, девочка резко дернула рукой и отбежала от мужчины на пару шагов. Однако тут же споткнулась и приземлилась на коленку. Немец поднял ее, отряхнул и собрался было снова взять за руку, как девочка заговорила:

– Дядя немец, а где моя мама? Почему мы убежали без нее?

И тут чередой воспоминаний туманом застелила глаза солдату, мельком проносились обрывки фраз лейтенанта и сослуживцев, выстрелы и крики женщин, запах шнапса и горелого сена. Огонь... Много огня, а дальше стоны боли и ужаса. Сердце закололо, дыхание участилось. Солдат не любил огонь...

– Дядя, вам плохо? – раздался звонкий голос девочки, выводя немца из оглушения.

– Nein, es ist in Ordnung⁵. Пойдем, мы müssen⁶ уходить. Здесь nicht безопасно.

Крепкая рука опять взяла девочку за запястье, и они вместе пошли по лесной просеке, думая каждый о своем, не задавая лишних вопросов.

К вечеру дорога привела их к небольшому ручью, утолив жажду, они собрались было переходить вброд, но гул самолетных двигателей прервал их план.

– Ложись, – сказал немец, накрывая девочку своей шинелью и переноса ее поближе к деревьям с размашистыми кронами.

– Intelligenz wird ausgeführt, Sie wollen angreifen⁷, – раздался тихий шепот, служащий скорее констатацией факта, нежели попыткой завести разговор. Удивительно, что девочка будто поняла смысл сказанного на чужом языке.

– Они за нами придут, дядя? – пропищала малышка.

– Nein⁸, – замахал головой немец. – Они искать танки. Надо идти.

¹ Святая Богоматерь, оторвался (нем).

² Ребенок (нем).

³ Не (нем).

⁴ Тебя (нем).

⁵ Нет, все в порядке (нем).

⁶ Должны (нем).

⁷ Разведку проводят, наступать будут (нем).

⁸ Нет (нем.).

Путь продолжался бы и дальше, однако ночь все быстрее вступала в свои права. Вскоре вместо деревьев и кустов остались лишь черные силуэты, а ветер время от времени заводил свою мерзкую и хриплую оперу. От пережитого стресса девочка спала непробудным сном на плече у своего спутника, а тот, в свою очередь, не мог даже думать об отдыхе. Одна из причин – это ответственность за жизнь другого человека, пусть и незнакомого. Но была и другая, доминирующая над первой. Каждый раз, когда немец закрывал глаза, в его голове начинали роиться несчетные мысли. За доли секунды воображение создавало все более пугающие картины, везде был огонь... Тот самый, который преследовал беднягу постоянно, убивал в нем человека, превращал в загнанного в угол зверя, знающего свою участь, но продолжающего биться в агонии.

Ему было четыре, когда пожар в доме унес жизнь его брата и сестры. Когда исполнилось восемь, его отец был зарезан, ограблен, облит бензином и сожжен. Убийцы были пьяны. А в тринадцать сам немец чуть не стал жертвой пламени. Огонь преследовал его всегда. Паническая боязнь этой стихии со временем угасла, но начавшаяся война вновь раззадорила ее. Рейх нуждался в солдатах, а страх перед огнем не был причиной не идти на фронт. Вскоре немец оказался в 61-м пехотном полку 7-й дивизии вермахта. Пройдя через Францию и Бельгию, казалось, он увидел все ужасы войны, но это была ошибка. К июлю 1941-го 61-й полк оказался на юге Белоруссии, огромное количество взводов было направлено на захват мелких поселков и деревень, поиск продовольствия и топлива. Немец в звании фельдфебеля санитарной службы получил приказ присоединиться к 16-му взводу, оккупировавшему безымянную деревню неподалеку. Однако лучше бы он умер...

Еле заметная тропинка вывела солдата к чуть покосившейся от времени хатке. Однако она не пустовала – в ней горел свет! Аккуратно уложив спящую девочку на крыльцо, он собрался было уходить, но свист сзади и упершееся в голову дуло не позволили ему даже развернуться.

– Вот те на! Немчура в такой глуши. Не дергайся, паря, я стрелять не больно-то хочу, но если понадобится – шмальну.

– Я nicht собираться вредить. Я принести kinder, спасти от немцы. (Далее на немецком.)

– И зачем же тебе ее от своих же и спасти? Что-то ты скрываешь.

– Откуда вы знаете немецкий?! Я все мог...

– Откуда надо! Я еще раз спрашиваю, что ты в глуши лесной за- был? Шпионишь небось?

– Я дезертир. Убежал из деревни с этой девочкой. Не смог... Не смог оставить ее. Отпустите меня, я уйду сразу же, только не стреляйте!

– Успокойся, я в безоружных не стреляю, не то что вы, чертовы оккупанты. Повернись хоть, дай посмотреть на тебя.

Холодный металл перестал касаться затылка, немец повернулся и увидел перед собой невысокого мужчину с седыми волосами и шрамом через правую щеку и глаз. На вид ему было не больше пятидесяти. Еще одной отличительной особенностью мужчины было полное отсутствие русского акцента. Каждое немецкое слово произносилось правильно и четко.

– Чего стоишь? Бери девчонку и заходи в дом, я вернусь через несколько минут.

Из уст мужчины эта фраза прозвучала как приказ, отчего немец невольно захотел встать по стойке смирно. Однако невежливо отказываться от приглашения. Через пару минут девочка оказалась на кровати в доме, а солдат – на кухне. Его взгляд бегал между двумя табуретками и кухонной утварью, сложенной кучей на столе. Не решаясь сесть, он продолжал стоять в дверном проеме до тех пор, пока не пришел мужчина.

– Бери табуретку и садись. Говорить с тобой будем. Долго, – слышался из-за спины хриплый голос. – Самогонку будешь?

– Буду.

– Правильный ответ! Я Николай Степаныч, но ты называй Клаус. Все так зовут... А ты кто?

– Я не помню... Кто я сейчас?

– Дезертир, очевидно, но вот по какой причине ты стал им, мне интересно. Расскажешь? Ты выпивай, так полегче станет.

Немец залпом опорожнил полстакана, в горле запершило, а по телу разлилось приятное тепло. Переживания чуть отступили, но вскоре ему придется окунуться в них снова. Началась история...

После прибытия в безымянную деревню он стал обследовать всех бойцов на наличие ранений и других недугов. Здесь им предстояло задержаться ненадолго, на подходе был танковый батальон, вместе с ним пехоте предстояло прорываться дальше по территории Белоруссии. Первое, что удивило немца, это то, с каким презрением бойцы относились к мирному населению. Отовсюду были слышны выкрики: «Русская свинья», «Урод», «Грязный ублюдок». К вечеру офицерский состав стал отмечать начало войны на Восточном фронте. Запах шнапса разлетелся по всей деревне, то и дело раздавался хохот. Но немец не пил с ними. Сказав, что пойдет спать, он на самом деле уселся за старым сараем, пытаясь разглядеть в густой тьме что-либо необычное.

Чья-то рука коснулась его плеча, от неожиданности немец дернулся, но успокоился, увидев, что это обычная женщина.

– Вы врач? Моему ребенку нужна помощь! Умоляю вас!

Немец поднялся с сырой травы, взял медицинскую сумку и пошел спасать чью-то жизнь.

Пройдя в дом, он сразу же насторожился от запаха крови, постепенно усиливающегося. На кровати лежал подросток лет четырнадцати, точнее, что-то похожее на него. Все тело было в кровоподтеках, правая рука вывернута в локте, ребра, судя по неравномерному поднятию грудины при вдохе, были сломаны. Лица как такового не было. Вместо него была одна большая рана, внутри которой еле прослеживались рот и глаза, наполненные животной болью и мукой. Немца замутило, рвота подступила к глотке, но не от вида крови или увечий, а от осознания того, как эти травмы были получены. Мальчика били, били нещадно, били без разбора, куда придется. Надев перчатки, немец попытался обработать хотя бы раны на теле, но, наклонившись, пересекся взглядом с подростком. Некогда голубые глаза приобрели все более красный цвет, рот изогнулся в попытке произнести слово, но запекаясь кровь помешала открыть его. Он умрет в течение нескольких минут, спасти никак не удастся. Только обезболить. Немец открыл сумку, вынул пузырек с прозрачной жидкостью и шприц. Морфий. Помочь избавиться от невыносимой боли – единственное, что может сейчас сделать беспомощный врач. Набрав шприц, он аккуратно ввел его содержимое в руку подростка. Рот исказила гримаса, изображающая что-то среднее между радостью и печалью. Глаза закрылись, грудь все медленнее подымалась, пока не замерла вовсе. Пульс перестал прощупываться, пациент умер...

Немец не помнил, как выходил из дома, глаза застилала пелена из слез. Бредя почти что вслепую, он вскоре наткнулся на дом, в котором праздновали офицеры. Сейчас там было тихо. Рука потянулась к двери и тихо отворила ее. В сенях лежало пьяное тело, принадлежавшее унтер-офицеру, в дальней комнате расположились остальные пятеро, включая лейтенанта. На столе среди пустых бутылок стояла свеча. Ее огонек весело сверкал во тьме перед немцем, приглашая его присоединиться к веселому и беззаботному кутежу. Прежде боявшийся огня, солдат впал в транс. Лицо обдало жаром, немец поморщился. Глаза уже привыкли к темноте, теперь, помимо одинокой свечки, его внимание привлекал другой предмет – нож. Мысли все сильнее давили, плодясь в его бедной голове. Когда увидел свое отражение в лезвии, пазл из мыслей собрался окончательно. Нужно бежать...

Раздумья прервал скрип входной двери. Кому-то не спится... Перехватив нож поудобнее, немец собрался было напасть на незваного гостя, но в сенях стояла всего лишь маленькая девочка, сверкающая своими глазенками. Жестом показав ей не шуметь, солдат вышел с ней на улицу, все еще держа нож в руке.

– Дядя немец, где моя мама? Ее увели в этот дом, и она не вернулась.

– Я найду твою mutter. Ты иди спать, – он показал сложенные ладони под щекой и хрюкнул, изображая храп. Девочка хихикнула.

– Вы смешной, не злой, как другие дяди! – прошептала она. – Но я останусь здесь, пока вы не найдете мою маму!

Причинить вред беззащитному ребенку немец не мог, а пытаясь увести ее насильно, можно разбудить всю деревню. Пришлось отправиться в дом на поиски. На кухне немец увидел очередное тело. Только на этот раз не пьяное, а мертвое. У женщины была разодрана одежда, на скулах кровоподтеки, а на шее отчетливый синий след от руки. Ублюдки задушили ее. Нож, до сих пор сжимаемый в руке, снова блеснул от огня свечки и отразил лицо немца.

– Спокойной ночи, зверье, – прошептал он.

Смоченные слюной пальцы потушили свечу...

Ночь тихая – ни один куст не шелохнется, только сверчки изредка цыкнут где-то в траве. Все спят, спят крепко и сладко: кто-то на полу, кто-то на сене, но шестеро офицеров уснули навсегда. Две темные фигуры: одна высокая, а другая – маленькая удалялись от деревни и вскоре окончательно растворились в ночной тьме.

– Вот значит, как... Дерзко, но правильно. Молодец, что не бросил ее.

– Я не имел права, она ведь ни в чем не виновата...

– Ты закусывай, закусывай!

– Хорошо. Клаус, расскажи теперь о себе.

– Мне и рассказывать-то нечего. Пятьдесят два года, жены, детей, родственников нет. Дед был немцем, служил при дворе Александра III, отсюда немецкий и знаю. Научил он меня ему, говорил, в жизни пригодится. Позже работал писарем в канцелярии. Как Первая мировая началась, добровольцем пошел на фронт. Там был ранен и ослеп на один глаз. Когда домой вернулся, меня прозвали Клаусом, я и против не был. А как вы напали, в глушь отправился. Наш-то город прямо на границе с фронтом, боялся, если захватите, то полицаем сделаете. Вот в лесу и живу уже месяц. Ружье есть, дичь тоже. Протяну...

– Опасно здесь, очень скоро наступление будет, нужно уходить.

– Нет, никуда я не пойду. Нужно будет, руками задушу нацистскую гадину, а потом пулю себе в лоб. Ну, не будем о грустном. Переночуйте у меня.

– Хорошо. Спокойной ночи.

Немец вышел из кухни, но вдруг остановился в проеме и обратился к мужчине:

– Да, еще кое-что. Можешь звать меня Немец.

Ночь прошла спокойно, чего нельзя сказать об утре. Обитателей дома разбудил шум двигателей. Наступление немцев в самом разгаре... Похмелье сняло как рукой. Немец забежал в комнату к девочке, взял ее на руки и вышел на улицу. Клаус уже заряжал свое ружье, попутно роясь в вещмешке.

– Держи, тебе пригодится, – сказал он, протягивая Немцу пистолет и гранату. Люгер 9-миллиметровый, наградной, с выбитым именем на рукоятке, и дополнительный магазин. – Этого, конечно, мало, но лучше, чем ничего. Идите.

– Спасибо, Клаус, спасибо за все. Прощай.

Они пожали друг другу руки, в последний раз встретились взглядами и расстались навсегда. Девочка не проронила ни единого слова. Ей было слишком страшно, чтобы что-либо говорить. Через несколько минут прозвучали первые выстрелы: сначала из ружья, затем из винтовок и автоматов. Прогремело два взрыва, а после них – тишина. Через секунду ружье выстрелило в последний раз. Бой был окончен, но наступление продолжалось.

Задыхаясь от бега, Немец то и дело спотыкался, чуть ли не падая, но продолжал нести драгоценный груз, преодолевая себя. Кочка прервала его усилия. Стараясь упасть боком, он вывернул лодыжку из сустава, кувыркнулся и потерял сознание.

В его сне не было ничего кроме забора из колючей проволоки, за которым сидел солдат в немецкой форме рядом с множеством мертвых тел. Он качался из стороны в сторону, то ли смеясь, то ли плача. Немец подошел поближе, и узник моментально кинулся на забор. В его глазах горел огонь, а лицо выражало животную ненависть и злобу. Мерзкий волчий оскал не сползал с лица, пары зубов не хватало, но это не мешало безумцу улыбаться во всю ширь. Немец смотрел сам на себя...

– Привет, – прошипел он, – я жаждался тебя, то есть себя. Неважно, проходи, повеселимся!

Солдат, не задумываясь, выхватил пистолет и выстрелил сумасшедшему в голову. Огонь в глазах того быстро потух, исчез оскал.

– Я никогда не стану тобой... Ты чудовище, зверь... Ничтожество...

Постепенно он приходил в сознание. Девочка плакала и колотила своими маленькими ручками по его груди. Он попытался встать, но тут же припал к земле. Лодыжка не просто вывернута, она сломана.

Здесь путь и окончится. Тем временем гул двигателей все сильнее давил на уши, казалось, из-за соседнего дерева сейчас выедет бронемашина с солдатами. Девочка висела на шее у Немца. Ясно, что она никуда не уйдет. Придется принять этот неравный бой...

Послышались фразы на немецком. Рука потянулась к пистолету, сняла его с предохранителя.

– Восемь, – подумал Немец. – Как там говорят русские? «Двум смертям не бывать а одной не миновать»? Да, что-то такое.

Девочка уже спряталась за спиной своего спасителя. Гул невыносимо давил на барабанные перепонки. Из-за сосны показалась чья-то голова. Выстрел... Прямо в цель!

– Семь, – прошептал Немец

Следующие выстрелы он не запомнил, какие-то попадали в противника, а какие-то лишь царапали кору на деревьях. Магазин закончился... Очередь из автомата прошла его живот. Кровь ручейками потекла изо рта. Раздался плач, но вторая очередь прервала его практически моментально. Сознание Немца угасало, последнее что он успел сделать – открутить крышку гранаты. Подошедшие нацисты были уверены в его смерти. Пальцы дернули шнур, граната взведена.

– Прости, прости за все, – обращался Немец к уже мертвой девочке. Слезы текли из его глаз.

– Мне жаль, что я был одним из вас, гнусные звери – прошептал он подошедшим солдатам. Граната сдетонировала...

P.S. Нацисты вероломно вторглись на нашу землю, принося лишь горе и слезы. Война, длившаяся четыре года, унесла несчетное количество жизней как солдат, так и мирных жителей. Нацизм – это зло, но не каждый немец становился нацистом. Например Оскар Шиндлер, нацист, спасший несколько тысяч евреев во время Холокоста. А сколько еще неизвестных солдат и офицеров ушло в подполье, чтобы остановить Рейх – безумного зверя, жаждущего крови. Эти люди заслуживают уважения. Они победили зверей внутри себя, не потеряли лицо и помогли другим. Как говорил Ф.М. Достоевский: «В самом деле, выражаются иногда про «зверскую» жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток».

Василенко Арина Андреевна
11 класс

Наставник – Ивашева Ирина Ивановна,
учитель русского языка и литературы

Средняя общеобразовательная школа
при Посольстве России в Бельгии

Память – продолжение ЖИЗНИ

*Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.*

*Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.*

А. Твардовский

Я редко заходила к бабушке. С каждым годом времени становилось все меньше и меньше, а на простое «привет» вскоре и вообще не осталось. Я помню, как в детстве радостно вбегала в старенькую квартирку и обнимала ее. И вот я снова иду по узким и разбитым улочкам между домов. Уже показался небольшой сад, который с особым трепетом высаживала возле дома бабушка. Я поднимаюсь по лестнице старой пятиэтажки, подъезд которой пропах сыростью, но даже в этом запахе есть что-то родное. На пороге квартиры я нежно обни-

маю самого близкого человека. Бабушка, по своему обыкновению, начинает хлопотать, расспрашивает об учебе, даже не ожидая никакого ответа: ей просто в радость наконец встретиться с любимой внучкой. Мы вместе проходим в гостиную, где до сих пор сохранилась старая советская мебель со стеклами, за которыми красовался фарфоровый сервиз. Над пухлым диваном висит все та же пыльная картина Шишкина «Мишки в сосновом бору», а рядышком разместился старинный комод, потемневший от времени. Мой взгляд остановился на фотографиях, которые стоят на комод. Все люди на них были мне знакомы, кроме одного человека. Это мужчина лет сорока, в старой одежде, но с широчайшей улыбкой. Сама фотография мятая, с обгоревшими краями.

– Бабушка, это кто на фотографии? – удивленно спросила я.

– Это, внученька, – бабушка тяжело вздохнула, взяла в руки фотографию, а затем присела рядышком на диван, – это мой отец, а твой прадедушка. Герой нашей семьи.

Прадедушка? Странно, что я никогда до этого не слышала ничего о нем, не имела ни малейшего представления о его подвигах. Я снова начала расспрашивать бабушку, сгорая от нетерпения узнать больше.

– Пожар тогда погубил все вещи, что были в доме. Но знаешь, что, внученька, никогда не сгорает? Память. Она остается навеки.

Бабушка провела дрожащей рукой по старой фотографии, разминая обгоревшие края, а затем закрыла глаза. Она дотронулась до моей руки, а затем крепко-крепко сжала ее. Мгновение... и мы очутились уже не в уютной старенькой квартирке...

Ночь. Глубокая воронка от снаряда. И два человека. Их лиц почти не видно, но зато слышны тяжелые вздохи лежащего и то, как второй пытался хотя бы словами облегчить страдания своего товарища. «Держись» и «прорвемся» отчетливо вырывалось из уст мужчины, а умирающий лишь только кивал, тихо постанывая. Их голоса заглушал свист пуль, что сыпались дождем на несчастных окруженных, но те держались до последнего. Вскоре затихли и стоны. Мужчина еще раз глянул на уже бездыханное тело товарища, а затем начал выбираться из воронки под градом пуль. Вот показался лес, единственное место, где можно было затеряться, скрыться от врагов, но молодой человек не успел. Свет фонаря. Крики немцев. И снова темнота. Мгновение... Страх, ужас... боль! И перед глазами – концлагерь, что был переполнен мукой и унижением солдат, мирных жителей, матерей и детей. Лютый голод и рабский труд. Тысячи людей жались в переполненных бараках, спали стоя, особо ловкие забирались под крышу, чтобы не быть растоптанными. Затем снова все мелькнуло короткой вспышкой,

и вот уже виден холм и бегущий худой солдат, что под покровом ночи вырвался прочь из адского места. Австрия, Чехия, Польша, Белоруссия – страны сменялись одна за другой, сотни километров летели как один, а солдат бежал, уповая лишь на доброту встречавшихся ему людей. Так и случалось. Неравнодушные делились с босым солдатом хлебом, кто-то отдавал старые вещи, пытаюсь оказать хоть какую-то помощь сбежавшему. Прошли месяцы, когда мужчина добежал до Украины, где принял решение продолжить сражаться и приближать победу страны над жестоким врагом, который терзал родную землю и глумился над ней.

События снова замелькали перед нами, быстро сменяя друг друга. А затем крик... Но это был не страшный крик, полный горечи и потери. Это были возгласы, переполненные счастьем, что наконец закончились страшные годы. Долгожданная победа! И вот солдат стоит на пороге родного дома, живой... А имя тому солдату – Коломыц Иван Дмитриевич.

Бабушка отложила фотографию в сторону. На ее глазах были слезы от всех воспоминаний, что пришлось снова потревожить и пережить. Я посмотрела на бабушку, а затем крепко-крепко ее обняла.

Теперь каждый раз, когда я прихожу к ней, смотрю на ту самую обгоревшую фотографию. Но с нее мне улыбается не незнакомец, а родной человек, один из миллионов героев нашей страны. И я горжусь им!

**Розумейко Виктория
Евгеньевна
10 класс**

Наставник – Рожкова Наталья Викторовна, учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 13»

Ставропольский край

Василек

«Какая знакомая шкатулка», – подумал я, осматриваясь на чердаке бабушкиной дачи. В ней лежали какие-то бумаги, связанные старой потертой ленточкой. В этих бумагах затерялась черно-белая, пожелтевшая от времени, обломанная по краям фотография красивого статного мужчины в советской военной форме. Этот строгий, но в то же время ласковый и мягкий взгляд... Я когда-то его уже видел... Спустившись с чердака, я отложил свою находку на вечер, чтобы спокойно ее рассмотреть.

В двенадцатом часу, когда в доме воцарилась полная тишина, которую прерывало лишь тихое сонное сопение членов семьи, я заварил себе чаю, уселся за стол и осторожно взял в руки шкатулку. С веревочкой возиться не пришлось: время сделало свое дело – от легкого прикосновения она рассыпалась. Стопка, как я считал, непонятной бумаги на самом деле оказалась настоящим сокровищем. Это были аккуратно сложенные и завернутые в пожелтевшую бумагу фронтовые письма-треугольники. Я даже не знал, за какое взяться. Мне казалось, что только я к ним прикоснусь – и они сразу развеются как пыль на ветру. Затаив дыхание, я осторожно взялся за уголок одного из писем, развернул и принялся читать. Письмо было написано химическим карандашом, каждая буква была выведена старательным, четким, но твердым мужским почерком. Некоторые буквы были размыты: вокруг них были заметны чернильные разводы химического карандаша. Это следы от слез, читавших эти письма...

«Моя голубоглазая Мила! Посылаю тебе василек... Представь себе: идет бой, кругом рвутся вражеские снаряды, оставляющие после себя глубокие воронки... А здесь, на изрытом металлом островке земли... растет цветок... И вдруг – взрыв... Василек беспомощно повис вниз головой... Я его поднял, согрел в руках, положил в карман гимнастерки и в пылу боя забыл о нем. Вечером к нам на передовую приехала фронтовая бригада. Девушки-артистки звонко пели знакомую до слез песню:

Что ты, Вася, приуныл, голову повесил,
Ясны очи замутил, хмуришься, невесел?
С прибауткой-шуткой в бой хаживал, дружочек,
Что случилось вдруг с тобой, Вася-Василечек?
Ой, милоч, ой, Вася-Василек! Эх!

И тут я вспомнил о васильке в кармане гимнастерки. Он уже завял. Аккуратно положил я его между страницами книги, а сам все ходил и думал о судьбе этого полевого цветка... Цветок рос, тянулся к солнцу, но его сорвало взрывной волной, и, если бы я его не подобрал, его бы затоптали солдатские сапоги: война... Тут неожиданная мысль пронзила меня... Я понял, понял, доченька, что папа будет биться с фашистами до последней капли крови, до последнего вздоха, чтобы фашисты не поступили с тобой так, как с этим беззащитным цветком. Люблю тебя, мой прекрасный василек. Твой папуля».

Мила... Мила Дмитриевна... Бабуля Мила... Это же моя бабушка, совсем недавно она ушла из жизни. Я улыбнулся. Слеза прокатилась по моей щеке, оставляя за собой горячий след. Я вспомнил, кого напоминали мне этот строгий, но ласковый взгляд, статная фигура и добрая улыбка военного с пожелтевшей фотографии.

В памяти высветилось улыбчивое лицо бабушки, вспомнилась ее любимая прибаутка:

Не к лицу бойцу кручина, места горю не давай.
Если даже есть причина, никогда не унывай.
Места горю не давай, никогда не унывай, не унывай!

А вот и ее ласковое обращение ко мне: «Ой, милоч, ой, Вася-Василек!» Теперь я понял, почему меня называли Василием. Понял, почему отец при любой возможности привозил бабушке букетик полевых васильков, а старенькие обои с нежными васильками в ее комнате отец и сейчас не разрешает переклеивать.

Я отложил письмо в сторону и принялся читать следующее, а за ним еще и еще. Некоторые даже припомнил: бабушка иногда читала мне их наизусть перед сном, когда я был совсем маленький. Помню улыбку на ее лице, помню, как блестели ее покрасневшие от слез гла-

за. Помню, с какой любовью она собирала васильки летом на даче, тогда я этого не понимал, а сейчас понял, как они были ей дороги. И до того мне стало тепло и в то же время тоскливо, что, казалось, сердце вот-вот не выдержит и лопнет.

Я не заметил, как просидел за письмами всю ночь. Спать не хотелось. Включил телевизор. Ансамбль песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова исполнял песню С.Я. Алымова и композитора А.Г. Новикова «Вася-Василек»:

Нынче больно – не тужи, завтра твой денечек,
Выше голову держи, Вася-Василечек.
Ой, милоч, ой, Вася-Василек! Эх!

**Мохнаткина Диана
Владимировна
11 класс**

Наставник – Козьмина Наталья
Васильевна, учитель русского языка
и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Пинежская средняя школа № 117»
муниципального образования
«Пинежский муниципальный район»

Архангельская область

Неуловимый образ

15 июня 1941 год

Мне еще 14, а ты на целых три года старше! Сегодня моему брату исполнилось 17 лет. Ты стал совсем взрослым, закончил школу и мечтаешь прославиться на всю страну. Родители только еле заметно улыбаются, а я всегда восторженно слушаю все твои планы и надеюсь, что когда-нибудь стану похожим на тебя. Высокий рост, темные вьющиеся волосы и невероятно точно передающие твоё настроение глаза. Ты очень похож на папу, могу поспорить, что к 45 тоже отрастишь усы, став почти его отражением!

20 июня 1941 год

Какое все-таки прекрасное время года – лето! Можно купаться, загорать и гулять, правда, тебе разрешают веселиться намного дольше, ведь ты старший... Хотелось бы мне хоть на день стать старшим братом и послужить примером для тебя!

22 июня 1941 год

Сегодня по радио передали о нападении германских войск на нашу страну. Мне трудно в это поверить. Мама постоянно плачет. Отец безостановочно измеряет квартиру своими длинными, но уже не очень уверенными шагами. Ты заперся в собственной комнате и отказываешься разговаривать со мной даже через белую, еще пахнущую свежей краской дверь.

Через пару часов, проведенных в подобной обстановке, мама, до этого сидевшая на диване в гостиной, нашла в себе силы позвать нас ужинать, наливая в глубокие тарелки вчерашний суп.

Ели молча. Мне кажется, находиться на кухне в этот момент было физически тяжело. Тиканье настенных часов и постукивания ложек об посуду сливались в один долгий, тягучий, пронизывающий тишину звук.

После ужина все опять повторилось по новой: широкие шаги, запертая дверь, только мама уже не плакала, а просто изучала своими воспаленными от слез глазами незамысловатый узор кухонных стен.

23 июня 1941 год

Громкий, стремительно набирающий обороты разговор вынуждает меня проснуться, а тонкое и слишком легкое одеяло не служит желаемым укрытием от шума. Мамин звонкий голос стеклянным скрипом проникает прямо в ушную раковину. В грубом отцовском боссе, вероятно, впервые за жизнь слышится предательская дрожь, перекрывающая ценность всех сказанных утешений.

– Ты мне здесь, дома, нужен! Границу другие защитит смогут, а нас с мальчиками кто защитит? Миша, я прошу тебя, подожди хотя бы пару недель! Ты ведь учитель – НЕ ВОЕННЫЙ! Ты оружие ни разу в жизни в руках не держал! – кричала мама, наверняка опять плача.

– Научат... Не волнуйся.... Все будет хорошо.... Я обязательно вернусь... Дети уже взрослые, они тебя, себя тем более, в обиду не дадут, – сказал отец четко, ясно, исключительно по делу – все в его духе.

И снова резко раздался гул стеклянных завываний.

Уже через пару секунд я, сильно растрепанный после сна, стоял в небольшом, плохо освещенном коридоре и внимательным взглядом изучал собственного отца, в тот момент казавшегося совершенно чужим: худое скуластое лицо с перекошенным от невозможности выразить какие-либо эмоции ртом слишком сильно напоминало неудачно сделанную гипсовую маску, а вся его фигура будто пропиталась холодом и отчуждением. Одет был до неприличия просто, в руках держал старый мешок из-под картошки, почти пустой.

Разговора с отцом, может быть, даже к счастью, не получилось. Через несколько минут обоюдного молчания он приблизился ко мне, протянул руку в знак прощания и вышел за дверь...

5 июля 1941 год

Уже почти две недели идет война. Почти две недели отец на фронте. Мама написала для него около десятка писем, каждое из которых осталось без ответа. Мне тяжело видеть ее в таком состоянии... Хорошо, что ты можешь оставаться спокойным и рассудительным, утешая нас, без тебя было бы не справиться.

12 августа 1941 год

С сегодняшнего дня на швейной фабрике, где работает мама, увеличили продолжительность рабочего дня для всех сотрудников на несколько часов. Неудивительно, сейчас не хватает всего: одежды, лекарств, рабочей силы и даже еды...

Ты целыми днями пропадаешь на улице в попытках помочь всем, спасти каждого, кто в этом нуждается.

28 сентября 1941 год

Через несколько дней по нашему адресу наконец доставили грязно-белый треугольник, сложенный из бумажного листа средних размеров. Развернув незамысловатую конструкцию, мы прочитали всего лишь три слова, выведенные знакомым, вытянутым в длину почерком: «Все хорошо. Скучаю».

Но даже такое немногословное и сухое послание от дорогого человека невероятно приободряет.

17 ноября 1941 год

Сегодня ты вернулся домой намного раньше обычного. Торопливо снял верхнюю одежду и решительными шагами подошел ко мне.

– Я пойду добровольцем. Мне 17, имею право, – отчеканил так, будто досконально продумал предстоящий разговор вместе со всеми моими репликами.

– Мама знает? – глухо спросил я.

– Еще нет. Я оставлю ей письмо, не смогу сказать лично... Не выдержу ее слез снова... Там я полезнее буду, чем здесь... – сыпал отдельными фразами ты, после чего резко повернулся на 180 градусов и направился в свою комнату, явно не желая продолжать очень непростой, но слишком необходимый диалог.

Через минут 20 ты вышел: так называемая рабочая одежда, мешок и неровно, максимально коротко остриженные, вероятно, кухонными ножницами, кудри. Аккуратно прикрепив над большим круглым зеркалом, висящим у входной двери, свою записку, ты молча покинул квартиру, как отец пару месяцев тому назад...

Обнаружив оставленное послание и прочитав его, мама не кричала и не плакала – она тихо сидела за обеденным столом, пока слезы из ее глаз крупным градом скатывались на злополучный лист бумаги, превращая буквы в чернильные пятна.

25 февраля 1942 года

Мама очень сильно похудела, она много работает, почти не ест и с нетерпением ждет писем от вас. Мне страшно, но я уверен, что с тобой и папой все в порядке.

23 августа 1942 года

Нам опять доставили бумажный треугольник, отличавшийся от прошлого лишь немного другим оттенком используемой бумаги.

«Ваш муж Токарев Михаил Александрович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит в августе 1942 года». Быть такого не может... Внутри что-то рухнуло, а в горле резко образовался ком...

2 декабря 1942 года

Маме стало совсем плохо. После получения похоронки на отца она окончательно превратилась в живого мертвеца: огромные синяки под глазами, все руки в глубоких царапинах, она почти всегда мерзнет, отказывается от еды и часто рассматривает старые фотографии в семейном альбоме, при этом тихонько плачет. Она полностью опустошена и физически, и морально.

26 марта 1943 года

Мама умерла две недели назад... Получается, теперь только мы есть друг у друга.

Скорее бы встретить тебя опять. Надеюсь, у тебя все хорошо.

7 июля 1944 год

Весь прошлый год я проработал в госпитале для тяжелораненых солдат: менял простыни, перевозил больных из одной палаты в другую. Персонал работает достойно, упорно борясь за жизни людей! Когда закончится война (здесь говорят, что до нашей победы осталось совсем немного), ты обязательно должен попробовать выучиться на врача!

9 мая 1945 год

Победа! Наша победа!

15 июня 2001 года

Замечательный солнечный летний день. Ты невероятно много сделал для нашей победы и прославился на всю страну благодаря своему упорству и истинному патриотизму! Родители бы очень гордились своим сыном!

Так жаль, что мы с тобой не смогли встретиться, жаль, что провели так мало времени вместе. Мне уже 74, я отрастил усы и сам удивляюсь схожести с нашим отцом. Сегодня, 15 июня 2001 года, моему старшему брату снова 17 лет...

ПРИЗЁРЫ В 4-Й
КАТЕГОРИИ

ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

**Селезнева Ирина
Александровна
I курс**

Наставник – Пальчикова Елена Васильевна, заместитель директора по воспитательной работе

Тамбовское областное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Котовский индустриальный техникум»

Тамбовская область

Солдатские имена, открытые поиском

*Мы извлекаем Память из земли,
Останки тех героев, что легли,
Легли в сырую землю, в тишину,
Закрыв свою грудь всю страну.
Леонид Кульматов*

Аллея Бессмертного полка в Парке воинской славы – святое место для котовчан. С портретов солдат Великой Отечественной войны смотрят на нас лица молодых ребят, не пришедших с полей сражений, смотрят и лица седовласых ветеранов, возвратившихся с Победой домой. Девять Героев Советского Союза воспитала и вырастила Котовская земля, а сколько мы еще не знаем имен безвестных героев, которые, совершив свой подвиг, пропали без вести, сгинули в фашистских лагерях, погибли в партизанском подполье...

Все дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, но память не дает нам забыть, она вселяет в нас веру, придает нам силы, предостерегает и призывает... Память о погибших в Великой войне приводит нас в поисковые отряды.

Будучи студенткой, я познакомилась с деятельностью поискового отряда имени Героя Советского Союза А.Р. Посконкина, который действует на базе нашего Котовского индустриального техникума, познакомилась и поняла – мое место здесь, среди этих сильных ребят, для которых чувство долга – не пустые слова...

За плечами поискового отряда ежегодное участие во Всероссийской Вахте памяти, десять экспедиций на места боев Великой Отечественной войны, среди которых экспедиции в Ленинградскую, Ростовскую области, Республику Крым; сотни поднятых и перезахороненных с воинскими и христианскими почестями солдат и офицеров Красной Армии, десятки установленных судеб и только единицы найденных родственников...

Как помочь солдату найти «путь домой, в семью, на родину», из печальных сводок «пропал без вести» перейти в разряд «погиб, защищая Родину на N-ском направлении». Именно этой очень нужной и важной работой занимается общественная приемная «Судьба солдата», действующая на базе нашего поискового отряда.

Листаю страницы с именами солдат, пропавших без вести: Ерохин Дмитрий Степанович, Корнеев Петр Ильич, Баранов Михаил Федорович... – всех их искали когда-то мать, жена, сын, дочь, а теперь ищут правнуки, ищут поисковики. Ведь каждый из них хочет установить судьбу пропавшего без вести, гордиться своим героем прадедом, который в годы тяжелых испытаний для страны встал в ряды ее защитников.

И вот мой первый поиск – судьба летчика Николая Саранова и техника по вооружению Михаила Бармина, погибших в районе аэродрома на станции Платоновка Рассказовского района Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны.

Сначала изучаю материалы о летчиках на официальных сайтах «ОБД «Мемориал», «Память народа», по крупицам собираю сведения о мужественном экипаже самолета, затем вместе с поисковиками отправляюсь в поселок Зеленый Рассказовского района и в сельском парке нахожу памятник, посвященный летчику Николаю Ивановичу Саранову и технику по вооружению Михаилу Васильевичу Бармину. Мы возлагаем цветы и затем молча стоим у обелиска.

Основной поиск завершается, и скупые строчки ложатся на бумагу: Саранов Николай Иванович родился в декабре 1915 года в Сталинградской области. В 1934 году, окончив фабрично-заводское училище, поступил в Сталинградскую военную школу летчиков. В архивных документах написано, что служил летчиком, затем командиром звена.

В первый год Великой Отечественной войны Николай Иванович закончил Военную академию командного и штурманского состава Военно-воздушных Сил Красной Армии. В октябре 1942 года лейтенант Саранов прибыл для дальнейшего прохождения службы в 24-ю авиационную дивизию дальнего действия. 15 января 1943 года, получив задание по бомбардировке окруженных фашистских войск в районе Сталинграда, его Ил-4 в сложных метеоусловиях потерпел катастрофу, а летчик, старший лейтенант Саранов Николай Иванович, погиб.

А вот что удалось узнать о судьбе старшины Бармина Михаила Васильевича. Михаил Васильевич родился тоже в 1915 году, но в Тверской области. В 1937 году был призван в ряды Красной Армии. С июля 1941 года в составе 24-й авиационной дивизии дальнего действия участвовал в боевых вылетах. В сентябре 1942 года старшина Бармин был награжден медалью «За боевые заслуги». В наградном листе читаем: «Старшина, техник по вооружению Бармин Михаил Васильевич обеспечил без отказов стрелково-пушечного вооружения свыше 350 боевых вылетов самолетов». В ночь с 27 на 28 декабря 1942 года старшина Бармин Михаил Васильевич погиб при бомбардировке фашистским самолетом "Юнкерс-88" аэродрома на станции Платоновка.

Мой поиск продолжается, ведь хочется найти родственников погибших солдат. И следующий этап поисковой работы – это запросы в Волгоградскую, Тверскую области, а пока я смотрю на портреты летчиков и думаю, ведь они были чуть старше меня, а так много сделали для Родины...

Приближается великий праздник – День Победы, а вместе с ним – шествие Бессмертного полка. И в четком строю шествия среди фотографий наших прадедов – защитников Родины мы понесем еще портреты солдат, судьбы которых были открыты поиском. Это те герои, которые почти через восемьдесят лет вернулись наконец домой с Победой! И я думаю, что если каждый из нас включится в поиск, установит имя и судьбу хотя бы одного неизвестного солдата, то тогда, я уверена, новые имена героев осветятся памятью, а подвиг станет бессмертным.

**Иванникова Вероника
Сергеевна
III курс**

Наставник – Калинина Татьяна Владимировна, учитель русского языка и литературы

Государственное профессиональное образовательное учреждение Тульской области «Болоховский машиностроительный техникум»

Самое обычное детство...

*Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей.*

Н. Тихонов

Существует мнение, что у войны нет лица, пола, возраста, что детство человека, совпавшее с войной, – это убитое, отобранное детство, а ужас и боль, испытанные маленьким человеком, меняют его судьбу навсегда.

Наверное, это так. Но все же случаи бывают разные. И как хорошо, что живы очевидцы страшных, святых дней Великой Отечественной войны, а мы можем узнать об их судьбе, их непростом детстве.

Один из таких очевидцев – Павел Иванович Шевченко, ветеран труда, житель города Богородицка Тульской области, родившийся в сибирской глубинке в далеком 1929 году.

В 1941 году ему было одиннадцать лет.

Война обрушилась на родную деревню неожиданно, в одночасье круто и навсегда изменив привычную жизнь. Мужчины ушли на фронт, заботы колхоза легли на плечи женщин и детей. Нужно было убирать урожай, пахать, сеять, косить, ухаживать за животными.

Первой военной осенью Паша Шевченко и его друзья возили зерно на подводах за сто километров от деревни в районный центр Камень-на-Оби (ныне село Панкрушиха). Там было зернохранилище.

В дороге мальчишки дважды останавливались на ночевку, но об отдыхе думать не приходилось. Прежде всего распрягали лошадей, осматривали их, кормили, спутывали... И только потом – похлебка у костра и интересные истории.

Трудно было в этих поездках одним, без взрослых. Но никто не жаловался. Не ныли даже тогда, когда тащили мешки к горлу элеватора по лестнице, поднимаясь на уровень современного пятиэтажного здания. Павел Иванович до сих пор помнит сорок одну ступеньку до цели... Так было тяжело. Но и гордость переполняла, потому что задания выполняли в срок, никогда не подводили свой колхоз.

Летом на детях лежала работа по ремонту колхозных построек, ведь страшные зимние бураны разрушали здания, ломали заграждения. Материалом для ремонта служила желтая глина с местных болот. Мальчишки перевозили ее в деревню, заливали водой в двухсотлитровых бочках, размешивали, доводя до нужной кондиции (помогали любимые кони, двигая по кругу специальное приспособление). А потом полученной смесью ребята заделывали щели в стенах.

Удивительно, но эта нелегкая, грязная работа была всем в радость. Хохотали друг над другом без злобы: ведь все были перемазаны глиной с головы до ног; иногда кидались этой самой глиной, устраивая шуточные бои. Но это были игры друзей. Страшных драк не было вовсе. Редким минутам отдыха дети были так рады, что не было мысли высмеять кого-то или еще как-то обидеть.

Зимой лично перед Пашей Шевченко стояла другая задача. Он возил муку за несколько километров от амбара до дома, где его мама Агафья Архиповна пекла хлеб для всего колхоза (запах этих хлебов, укрытых рушниками, Павел Иванович помнит до сих пор).

Любимый пес Моряк с удовольствием помогал своему хозяину. Запряженный в санки, он вез Пашку, барином возлежавшего на соломе. А обратно они уже вместе – мальчишка и верный пес Моряк – везли муку до дома.

Четыре мучительных года продолжалась война. Четыре года в дома Пашкиных односельчан шли не только добрые вести с фронта, но и похоронки – скорбные известия о погибших.

Евдокия, жена дяди Петра, ушедшего воевать, служила на почте, разнося по домам письма. Жители деревни – все родня друг другу, и живые, и погибшие. А те, имена которых стояли в похоронках, были роднее всех... Сердце Евдокии не выдерживало этой непростой доли – быть вестником смерти. Она рыдала вечерами, буквально сходя с ума.

Павел взял на себя эту горькую ношу: летом верхом, зимой в санях он объезжал окрестные села, доставляя людям почту.

Весной сорок второго года в Сибирь прибыли эвакуированные из Ленинграда. У Пашки появился друг – Ванька Питерский (так его прозвали местные ребята). Вместе мальчишки пасли колхозное стадо, в котором была корова Сова, отличавшаяся необыкновенно сонным видом и добрейшим нравом.

Ленинградец Иван постоянно страдал от голода, и Паша выдаивал у Совы для друга кружку молока прямо на лугу. Сова благосклонно позволяла это делать, видимо, понимая, как важно поддержать пережившего блокаду мальчика.

Много лет спустя оказавшись в Ленинграде, Павел Иванович отыскал друга военного детства Ивана.

– Иван, ты меня помнишь? – спросил Павел Иванович.

– Нет, не помню...

– А Сову помнишь?

– Сову?.. Помню!.. Пашка, ты!

Это была очень счастливая встреча. И воспоминания друзей о той тяжелой поре их жизни были светлые.

Прошло семьдесят семь лет со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Павлу Ивановичу сейчас девяносто три года. О детстве своем он говорит как о самом обычном, точно таком же, как и у многих его сверстников. Он не видит ничего героического в том, что они делали тогда. А ведь не было бы Победы без труда этих детей, сумевших вынести все, что легло на их плечи.

Уже много лет он живет и работает в городе Богородицке, но родная Сибирь не отпускает его сердце.

Активный и целеустремленный по натуре, Павел Иванович решил узнать судьбу своих земляков, погибших на фронтах минувшей войны. Началась серьезная поисковая работа, результаты которой ошеломили. Шесть неизвестных героев, похороненных в братских могилах Болохово, Тулы, Еловой, обрели имена, увековеченные теперь навсегда на мемориальных досках монументов. Оказалось, что земляки Павла Ивановича – отцы и братья его друзей детства – сложили головы, защищая Родину на Тульской земле. Так в судьбе человека соединились в одно целое два замечательных российских края – Сибирь и его новая маленькая родина – Тульский край.

На девяностолетний юбилей внуки подарили Павлу Ивановичу замечательный современный велосипед, на котором он с удовольствием разъезжает по улицам Богородицка, по лесным и полевым дорогам...

Пусть будет здоров Павел Иванович и живет еще долго. Судьба его – легенда. Пример нам, молодым. А мы постараемся честно трудиться и хранить свою страну так, как хранило ее поколение Павла Ивановича.

**Мокрушенко Валерия
Сергеевна**
III курс

Наставник – Быкова Ольга Викторовна,
преподаватель русского языка

Областное государственное
автономное профессиональное
образовательное учреждение
«Валуйский колледж»

Белгородская область

Бойцами были на войне, учителями были в школе

Мы с вами находимся в музее Валуйского колледжа. Сегодня, в день освобождения города, наша экскурсия посвящена одной из самых героических и трагических страниц в истории учебного заведения – Великой Отечественной войне.

Давайте же прикоснемся к истории и представим, как это было. 21 июня 1941 года... Выпускники и преподаватели собрались на торжественный вечер в зале. Сколько веселья, радости, шуток! Танцы до утра! А сколько планов на будущее! Они собирались посвятить свою жизнь самой мирной на земле профессии. Завтра они разъедутся во все уголки страны: кого-то ждут школы Хабаровского края, кому-то ехать в Молдавию, Белоруссию, кто-то в родных краях будет учительствовать. А утром они узнали, что началась война...

Перед вами фотография выпускников 1941 года. Самый большой довоенный выпуск. Вот Петр Волконитин. На фронте с первых дней войны. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Александра Невского за умелое руководство батареей и орденом Красной Звезды за личное мужество. Об этом свидетельствуют представленные здесь наградные документы.

А это Николай Полухин. Прошел с боями от Москвы до Берлина, был тяжело ранен. О своем военном прошлом рассказал в книге

«Тревожная юность», которую он подарил нашему музею. Прочитайте повесть, пройдите вместе с ее автором военными дорогами, почувствуйте то, что чувствовал он: горечь отступлений и поражений, радость победы, счастье, что остался в живых.

Алексей Чужин. О его мужестве, бесстрашии рассказывают награжденные документы. Вот копия наградного листа к ордену Красного Знамени: «В бою т. Чужин показал исключительную храбрость и отвагу по уничтожению немецкого фашизма. Своей храбростью и отвагой вел свою роту в бой по уничтожению врага». После войны А.И. Чужин связал свою жизнь с педагогической профессией, был первым директором Валуйского дома учителя.

Иван Аладьин. Николай Остроущенко. Георгий Щербак. Михаил Бахир. Ефим Шеметов. Различны их воинские биографии, но есть то, что их объединяет: после войны большинство из них возвратились к своей самой гуманной профессии. Их, учителей, первыми демобилизовали из армии. Почему? Потому, что школе нужны были учителя-мужчины. Они восстанавливали полуразрушенные школы, заменяли детям отцов, убитых на войне.

Всмотритесь в лица на фотографии рядом. Выпускники сорок первого года 40 лет спустя. Десять человек. Выживших на той войне, не сломленных болезнями и горем утрат. «В нашей группе в педучилище было 16 юношей, а после войны в живых осталось трое», – читаем в воспоминаниях Ивана Аладьина.

С этой фотографии на нас смотрит совсем мальчишка – семнадцатилетний боец партизанского отряда. Алексей Будник только окончил первый курс. За четыре месяца овладел навыками стрельбы из винтовки и ручного пулемета, научился рыть траншеи и окопы, ездить на лошади, а потом добровольцем ушел в действующую армию. В феврале 1942-го при выполнении очередного задания разведчик Будник и его товарищ оказались в засаде. Раненный в плечо и в ногу, он пытался вынести с поля боя однополчанина, но попал в плен. Его отправили в концлагерь Braunshweig. Несколько раз Алексей пытался бежать, но его возвращали и жестоко били. Только в четвертый раз попытка оказалась удачной. И снова в строй. После освобождения Алексей Петрович возвратился в родные места, работал учителем – сначала в Валуйской средней школе № 3, а затем в родном педучилище.

Этот стенд посвящен генералу Алексею Васильевичу Батлуку. После завершения учебы в 1920 году стал он кадровым военным. Когда началась Великая Отечественная война, полковник Батлук уже командовал стрелковым полком. Орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Суворова II степени и Отечественной войны I сте-

пени, 10 медалей, звание генерал-лейтенанта, должность командира дивизии – свидетельство его таланта командира, личного мужества, безупречной службы. По представлению советского командования А.В. Батлук был удостоен ордена Почетного Легиона Соединенных Штатов Америки. Прочитаем документ о награждении: «Настоящим удостоверяется, что президент Соединенных Штатов Америки в соответствии с приказом, изданным Джорджем Вашингтоном от 7 августа 1782 года в Ньюбургском штате Нью-Йорка, и согласно акту конгресса наградил орденом Почетного Легиона (офицерским) полковника Красной Армии СССР Алексея Васильевича Батлука за беззаветную преданность и исключительно отважное поведение при выполнении важных военных заданий».

В деревне Ясены Ровеньского района установлен бюст генерал-майора Алексея Васильевича Батлука – первого учителя Ясеновской земской школы. Подробно о жизни нашего знаменитого выпускника рассказывает рукописный альбом «Летопись Победы».

Какие ассоциации у вас возникают, когда вы слышите: «первый учитель»? Конечно, вы представляете молоденькую или не очень учительницу. Да, еще вчера они стояли за учительским столом, еще вчера у них была самая мирная на земле профессия – учитель. Война изменила их привычную жизнь. В историю Валуйской земли яркой строкой вписаны имена выпускниц педучилища – активисток партизанского движения.

Одной из активных подпольщиц стала выпускница 1932 года Елена Махортова. К тому времени она уже окончила физико-математический факультет Симферопольского учительского института и работала учительницей в Валуйской средней школе № 1. Когда немцы заняли Валуйки, Елена сняла квартиру в Уразово, недалеко от железной дороги, и устроилась чернорабочей на железной дороге. Родным она запретила приезжать в Уразово, объяснила: «Так надо». Ей поручались самые ответственные задания: сбор сведений о передвижении транспорта, о расположении войск. Но однажды, когда она выполняла очередное поручение, ее схватили фашисты и заключили в тюрьму. Елену держали под строжайшим надзором, подвергали зверским пыткам, добываясь сведений о партизанах и подпольщиках. Она молчала. Об этом свидетельствуют воспоминания Ирины Григорьевны Ступниковой из Принцевки: «В 1943 году 12 января меня вместе с другими подозреваемыми арестовал местный полицай. Когда нас привели в тюрьму, там нас сразу затворили в камеру, где уже сидели три женщины. Одна из них обратила на себя особое внимание: избитая и вся в крови. Мне она объяснила, что ее непрерывно водят на допросы, а там бьют. Утром

двух женщин отпустили, а ее оставили и тут же опять повели на допрос». В середине января 1943 года тридцатилетнюю подпольщицу расстреляли в лесу севернее Валук. На фотографии вы видите памятник учительнице.

Вспомним также активных участниц подпольной группы Анну Колесникову, Наталью Кузнецову, Анну Бабенко, расстрелянных фашистами. До войны лишь год успели они поработать учителями.

Что же двигало этими девушками, решившимися на самопожертвование? Только ли ненависть к врагу? Безусловно, нет. Желание защитить родной дом и близких людей, нравственные идеалы, чувство долга – все то, что является основой патриотизма.

На встрече выпускников 1941 года Анна Колесникова сказала: «Во время войны работала там, где нужно. Таково было требование времени». Так о своем военном прошлом могли сказать многие учителя.

Романова Татьяна работала телеграфистом в полку связи, с боевыми друзьями участвовала в освобождении Гомеля, Минска, Варшавы, в обороне Сталинграда. Победу встретила в Берлине.

Лякина Полина с начала войны работала в Валуйках в Главном управлении военно-восстановительных работ Юго-Западного фронта. За четыре года работники управления объехали тыловые границы всех фронтов. Возили горючее, перевозили раненых, восстанавливали железные дороги.

Фронтальная биография Анны Галыгиной также началась в родном городе. Здесь в 1943 году находился штаб 310-й авиационной истребительной дивизии, в политотдел которой требовался секретарь со знанием немецкого языка. Через Анну Ивановну проходила вся секретная информация, ее нужно было обработать, оперативно перевести, не допустив ни малейшей ошибки.

Макрищева Нина, окончившая педучилище в 1941 году, начала работать в Селивановской школе учителем начальных классов. Когда фронт стал приближаться к родным местам, ушла с отступающей частью на восток, сначала помогала на кухне, потом работала счетоводом – на войне всякие профессии важны. Орден Отечественной войны II степени, медаль «За оборону Сталинграда» – свидетельства тому.

Басова Мария была связисткой, домой вернулась инвалидом третьей группы и многие годы работала в Тулянской школе Валуйского района в необычной для женщины должности – военрука.

Прошли по дорогам войны Клименко Анна, Рязанова Вера, Безлепкина Юлия и многие другие выпускницы педучилища.

Нелегко было и тем, кто только готовился стать учителем. Помещение педучилища было занято под госпиталь. Уроки проходили

в небольшом здании в центре города. «В момент налета фашистских самолетов все немедленно покидали здание и бежали к траншеям, которые были вырыты неподалеку», – вспоминала Дашкова Зинаида Капитоновна. Бомбежки становились все чаще, и занятия решено было прекратить. Возобновили их в 1943 году, после освобождения Валук от оккупантов.

Архивные документы свидетельствуют: за период оккупации с июля 1942 года по 19 января 1943 года немецкими захватчиками был нанесен огромный ущерб: от немецких бомб пострадало основное здание, где мы сейчас находимся. Повреждены и уничтожены хозяйственные постройки. Мебель, хозяйственный инвентарь уничтожены более чем на 50%. Сохранилось всего 70 парт и несколько стульев и шкафов. Из библиотеки, насчитывавшей до оккупации 15 тысяч книг, сохранилось 4782.

В 1944 году госпиталь выехал, занятия стали проводиться в собственном здании. Воспоминания выпускников, собранные поисковым отрядом колледжа, помогают понять, в каких условиях проходило обучение. Давайте перенесемся в то время и представим картину: окна заложены кирпичом, свет едва проникает сквозь щели в окнах, «га-сюрка» (фитиль, вставленный в стакан с маслом) едва освещает помещение, посреди класса печка, сделанная из металлической бочки, но она почти не дает тепла. Чтобы заготовить топливо, собирали хворост в соседнем лесу, связывали и тащили волоком. Малюкова Нина вспоминает: «Бумаги не было, писали в книгах между строчками. На базе одна тетрадка стоила 25 рублей, лист бумаги – 10 рублей, а стипендия – 140 рублей. Учащиеся покупали листы и шили тетрадки. Так было дешевле, чем покупать готовые». А это воспоминание Конотопова Василия: «Студентам выдавалась продовольственная карточка, по которой полагалось 500 граммов хлеба в день. Его пекли из ячменя, проса вместе с кожурой и картофеля. Хлеб был похож на кусок хозяйственного мыла. На месяц также выдавали 400 граммов сахара, 400 граммов подсолнечного масла, 400 граммов соли, кусок мыла, спички». Но их не пугали трудности, которые закаляли характеры будущих учителей, делали сильнее. Сами полуголодные, учащиеся собирали средства для раненых солдат, отправляли подарки на фронт, выступали с концертами в госпитале.

Великая Отечественная война явилась проверкой высоких нравственных качеств наших выпускников. Наша экскурсия подошла к концу, но работа поискового отряда студентов по сбору материала о выпускниках, вписавших свою строку в летопись Победы, продолжается.

Беляева Диана Андреевна I курс

Наставник – Андреева Марина Леонидовна, преподаватель русского языка и литературы

Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Псковской области «Опочецкий индустриально-педагогический колледж»

Псковская область

Новогодний букет

Зима. Холод. Блокадный Ленинград.

– За что нам все это? – сказала Катя, деля последний кусочек хлеба с братом.

– Мы всегда будем вместе, Катя, мы справимся, выдержим все! У нас впереди счастливое будущее, – прошептал Леша и обнял сестру...

– Съешь еще кусочек и засыпай... Конечно, все будет хорошо, ведь сегодня новогодняя ночь, и если загадать желание про счастливое будущее, оно обязательно исполнится... – сказала Катя, целуя брата слабееющими от голода губами.

У них не осталось никого из родных. Это были два беззащитных маленьких человечка с большой силой духа, которые выдержали восемьсот сорок пять дней и ночей блокады. Если бы они знали, что осталось продержаться меньше месяца, наверное, это грело бы их изнутри и давало какие-то неведомые силы жить... Но этого никто не знал... Кате было десять лет, а Леше в Рождество должно было исполниться семь. Они были как два маленьких ангелочка, сильных духом и верой!

Наступило утро. Дети, окоченевшие от холода, еле-еле вставали. Только проснувшись, они начали собираться, чтобы пойти на реку и набрать хоть немного воды...

– Катя, долго нам еще идти?.. – спросил Леша дрожащим голосом.

– Лешенька, дорогой мой братик, потерпи чуть-чуть, сейчас водички наберем, сходим за хлебушком и сможем покушать... – сказала Катя и поцеловала брата в его маленький, красный от холода носик.

Спустя сорок минут дети с трудом добрались до реки. Казалось, будто весь город «ходячих мертвецов» собрался тут. Эти ужасные картины, которые должны были бы напугать детей в прежние времена, давно не вызывали никаких эмоций. Казалось, что это продолжается целую вечность, один день похож на другой...

Проснулись, сразу на речку, потом за хлебом, затем разделить его на кусочки, чтобы покушать в обед и поужинать перед сном. Позавтракав крошками от этих кусочков, нужно сразу, пока есть силы, начать поиски того, чем можно развести огонь. В своей квартире уже давно были разломаны и сожжены все стулья, столы и шкафы, приходилось искать в развалинах домов, оставшихся после артобстрелов.

Новогоднее утро ничем не отличалось от предыдущих. После завтрака Катюня поцеловала брата и, поправляя на нем шапку, сказала: «Лешенька, теперь пойдем искать что-нибудь, чтобы согреться».

Два самых дорогих друг другу человека обнялись и прижались друг к другу. Они еще не знали, что в этой жизни они видятся в последний раз, что это их последние объятия.

Они нашли совсем мало дров и обгорелые после бомбежки обложки книг. Леша отдал их сестре и сказал деловито: «Иди, начинай разводить огонь, а я еще кое-где поищу». На самом деле он задумал сделать сестре подарок – сорвать в городском парке веточку ели, а если повезет, то найти несколько ягод рябины. Этот новогодний букет будет утолять голод несколько дней, ведь иголки можно разжевывать медленно-медленно, в них витамины, придающие силы.

Лешеньке повезло, он нашел несколько ягод рябины и украсил ими маленькую еловую веточку. Он уже был у дома, видел Катю в окошке, сестра махала рукой. Он поднял из последних сил руку с новогодним букетиком и хотел помахать в ответ... Но силы его покинули и мальчик упал на снег.

– Леша! – кричала Катя, подбегая к брату. – Лешенька, дыши, дыши, мой маленький!

Брат не отвечал, лицо его было белым как снег, на губах застыла улыбка, а посиневшие ручки крепко сжимали еловую веточку с алыми, как капли крови, ягодами рябины.

Катя осталась совсем одна, она не представляла, как будет жить без брата. В этом ужасном мире ее больше некому было согреть любовью и улыбкой...

Зимой тысяча девятьсот пятьдесят пятого года у Екатерины Андреевны родился сын, и она назвала его Алексеем... Теперь это самый дорогой ее человек.

Страшный день гибели брата часто снится ей во сне. Она его любила, любила по-настоящему! Но не уберегла. А его новогодний подарок – еловая веточка и горькие ягоды рябины, которые она разжевывала во рту и плакала – спасли ее, дали сил дожить до конца блокады...

Поэтому в Новый год, наряжая елку, она незаметно вытирает слезы и благодарит Лешеньку за каждый подаренный ей год, веря в то, что он стал самым добрым Ангелом.

Курейчи Фатима Сидиевна II курс

Наставник – Красногрудская Ольга Анатольевна, преподаватель русского языка и литературы

Майский филиал государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Кабардино-Балкарский агропромышленный колледж им. Б.Г. Хамдохова»

Кабардино-Балкарская Республика

Чтобы помнили...

«В 1941 году, когда мне было двенадцать лет, на нашу родную Смоленщину пришли немцы. Мы, будучи детьми, не могли сидеть сложа руки, видеть, как враг безнаказанно сеет горе на нашей земле. Я пошел в партизаны, выполнял задания, которые давали мне старшие товарищи. Но однажды все пошло не по плану: нас схватили немцы. После долгих допросов, сопровождаемых избиением, меня посадили в товарный поезд, который повез меня в неизвестность.

Моя дорогая внучка! Я молчал об этом всю жизнь. Пытался забыть, потому что воспоминания приносили невыносимую боль. Не рассказывал, потому что не хотел, чтобы и вам было больно. Но всегда понимал: об этом ужасе должны знать все, потому что больше никогда не должно повториться то, что пережил я и миллионы таких же несчастных».

С удивлением я читала строки письма, найденного в вещах моего дедушки. Он прожил долгую и, казалось бы, счастливую жизнь в окружении любимой жены, детей и внуков. И оказывается, не всегда его жизнь была наполнена счастьем. Были те два года, о которых он не хотел вспоминать.

«...Везли нас пятнадцать дней в невыносимых условиях. Кормили один раз в два дня, чтобы не умерли с голоду. Привезли в Освенцим, на платформах которого нас встречали эсэсовцы со злыми овчарками, вышки и колючая проволока. Сначала мне не было страшно. Думал,

что найду какую-либо возможность убежать. Но жизнь распорядилась по-другому».

Как-то мой дедушка произнес такую фразу: «У меня нет друзей детства». Я тогда не поняла ее смысл, думала, что просто потеряна связь, а оказалось, у него не было этой возможности, его лишили и друзей детства, и самого детства.

«Нас привели в помещение, где было много людей, накололи пятазначный номер. Потом погнали в баню, постригли наголо, дали одежду и поместили в барак. Здесь было много детей разных возрастов. Они плакали, им было страшно. Кто-то подсказал мне, что надо соврать про возраст и сказать, что мне шестнадцать лет. Как я потом понял, это спасло мне жизнь: всех, кто был младше, отправили в газовую камеру, а меня определили работать в каменоломню. Вообще здесь работали даже пятилетние: носили камни, копали землю.

Жили мы в бараке, где не было окон, и не были защищены ни от жары, ни от холода. Спали в тех же робах, в которых работали. Все время хотелось есть, потому что нам давали похлебку из брюквы, кусочек хлеба и чай. Помню, как немец штыком заколол мальчика, потому что он плакал от голода. Дети недоедали, поэтому многие из тех, кому удалось выжить, вернулись домой с рахитом и куриной слепотой.

Видел я и тех детей, которые стали жертвами экспериментов доктора Менгеля. Рядом с нашим был барак, где находились близнецы и еврейские дети. Близнецы были подопытные и в связи с этим имели привилегии: получали улучшенное питание, освобождались от тяжелой физической работы. Сначала мы завидовали их положению, но, как оказалось, зря. Над ними проводили какие-то эксперименты, в результате которых многие умирали. Других просто убивали, а органы извлекали для дальнейшего изучения. У еврейских детей забирали кровь для раненых немецких офицеров. Некоторые умирали сразу после этой процедуры, некоторые жили еще несколько дней. И даже трупы нужны были немцам: с них состригали волосы, которые впоследствии шли в текстильную промышленность Германии. Детские волосы, как более мягкие, шли для набивки подушек.

Кроме работы и ужасов концлагеря, дети Освенцима не видели больше ничего. Со мной в бараке жил мальчишка пяти лет, который на вопрос о том, где он жил до войны, где его мама и папа, ничего не мог ответить, потому что все, что он помнил, – это жизнь в лагере. Что может быть ужаснее, моя дорогая внучка?! Дети Освенцима если и играли во что-то, то это были игры в селекцию для газовых камер, стояние на аппеле, смерть. Женщины пытались хоть как-то организовать учебу: читали по памяти стихотворения, обучали счету. Но все это было очень трудно.

Сам я не знаю, как продержался в этих нечеловеческих условиях два года. Наверное, помог молодой здоровый организм. Помогли люди, которым были безразличны страдания детей. Многим другим не повезло: от голода и холода в Освенциме погибло около тысячи детей, полторы тысячи младенцев были утоплены сразу после рождения.

Освобождение пришло 27 января 1945 года. Помню, как в тот день советские войска вошли на территорию лагеря. Помню их глаза, смотревшие на нас с жалостью и болью. Они стали свидетелями жуткой картины: дети со вздутыми от голода животами, тоненькими ручками и ножками, огромными головами. Когда мы поняли, что свободны, мы плакали, но слез не было. Мы терли глаза, но они были сухими.

Потом было долгое возвращение на Родину, возвращение к жизни, где лучше было молчать о том, что со мной произошло. Я долго привыкал к другой жизни, старался забыть Освенцим и все, что с ним связано. Сейчас в моей жизни все хорошо, но я понимаю: чтобы так было всегда, я должен был рассказать тебе и всем о той беде. Прожив долгую жизнь, я понял, что доброта сильнее зла, она в любом случае победит. Но в будущем нельзя допускать таких жертв, поэтому помни обо мне, береги это письмо и передай его своим внукам».

Читаю, и слезы, не останавливаясь, текут из глаз. Слезы по миллионам людей, погибших во время войны, детей, потерявших семью и детство, и дедушке, который всю жизнь носил тяжесть воспоминаний и только перед смертью смог от нее избавиться. Плачу и обещаю: мы обязательно будем помнить вас! Помнить вечно...

Нотарев Амин Умарович II курс

Наставник – Баймурзова Ирина
Каншаубиевна, преподаватель русского
языка и литературы

Карачаево-Черкесская республиканская
государственная бюджетная
профессиональная образовательная
организация «Аграрно-технологический
колледж»

Карачаево-Черкесская Республика

Жизнь, спасенная песней

«Течет река памяти, связывая в волшебный водоворот прошлое, настоящее и будущее, связывая жизнь каждого человека, семьи в одну большую реку – историю нашей Родины, хранящую в себе воспоминания о людях, являющихся совестью своего народа, о людях, чья жизнь – пример для подражания», – так всегда говорит нам, внукам, наша лучезарная, мудрая бабушка Нуржан. Для меня каждая встреча с ней – это живая связь с прошлым, новое открытие имен наших близких. Вот и сегодня бабушка, медленно перебирая четки, кажется, входит в эту полноводную реку памяти. Она рассказывает так, что я невольно становлюсь участником тех далеких событий.

Октябрь 1941 года. Станция Невинномысская. Забитые битком воинские эшелоны. Как протиснуться сквозь толпу провожающих, отъезжающих и отправиться на фронт, когда тебе всего 17?! «Я должен!» – промелькнуло у Азрета в голове. В это время угрюмый седовласый майор заметил и схватил паренька за шиворот:

– Ты-то куда собрался, малой? Топай-ка отсюда!

– Дяденька, пустите! Умоляю вас... Лучше погибнуть на фронте, чем нести крест «брата врага»! А ведь он был самым честным, лучшим! Никто из нашей семьи не отказался от него! Пустите, пожалуйста...

Глаза паренька излучали горе, решимость и ярость! Они тронули сердце повидавшего уже многое командира! Глубоко вздохнув, майор призадумался:

– Ладно! Помогу тебе! Только о брате ни слова! Ты теперь Андрей Дмитриевич! Понял? Будешь танкистом...

– Вот так и стал Андреем Дмитриевичем мой брат Матакаев Азрет Джумаевич, – продолжила свой рассказ бабушка.

Лето 1943 года. Судьбоносная Курская битва. Кромешный ад, в котором оказался и 18-летний паренек. Скрежет металла, нескончаемые залпы орудий. Враги подступают к танку со всех сторон. Экипаж погиб. В строю лишь радист Азрет Матакаев! Он взял управление на себя и от горя за погибших друзей, безнадежности ситуации и злости на врагов во весь голос запел на своем ногайском языке прощальную песню, которую, как ему казалось, должна была обязательно услышать его мама Зулихат. И кто бы мог подумать, что в такой ожесточенной битве эту отчаянную песню на родном языке услышит его земляк Баисов Алибек?!

– Кто ты? Где ты? Как мне тебе помочь? – неожиданно по-ногайски раздалось в наушниках Азрета. Прорвавшийся сквозь вражеский заслон на своем танке смельчак спас жизнь бойца. Вот так встретились на Курской дуге два парня из соседних аулов. Дошли до Берлина. Стали друзьями. Но все это было потом.

Жесточайший бой следующего дня стих только к вечеру. Ряды бойцов поредели. После боя Алибек отправился на поиски земляка, которого никак не мог отыскать среди техники, раненых, убитых. Внезапно до него донесся какой-то еле различимый шепот. Он осмотрелся по сторонам. То, что увидел Алибек, поразило его настолько, что он оторопел от неожиданности. Возле танка лежал полностью обгоревший человек. Это была такая страшная картина, что Алибек невольно воскликнул:

– Да лучше бы тебя вражеская пуля сразила, хоть не испытывал бы таких страданий!

– Воды, пить, – еле слышно прошептали обгоревшие губы.

– Сейчас, потерпи немного, – с этими словами Алибек открутил крышку своей фляжки и приложил ее к губам раненого, который, захлебываясь, пил, стараясь, кажется, заглушить всю свою боль. Взор Алибека привлекли ослепительно-белые зубы танкиста. Внезапная догадка осенила его:

– Азрет, Азрет, это ты?

– Да, – еле слышно проговорил танкист.

– Азрет, я сейчас, я быстро, – с этими словами Алибек побежал за помощью.

Через несколько минут он вернулся с санитарями, которые, увидев раненого, возмущенно закричали:

– Что ты отнимаешь наше драгоценное время? Видишь же, что не жилец! Есть бойцы, которым еще можно помочь!

Алибек взорвался: «Да как вам не стыдно? У вас совесть есть?» Вытащив из кобуры пистолет и угрожая скорой расправой, он заставил санитаров уложить Азрета на носилки и отнести к самолету, который должен был забрать всех тяжелораненых бойцов. И пока самолет не взлетел, Алибек находился рядом, стараясь хоть как-то облегчить неимоверные страдания своего друга. А потом для Азрета начались долгие месяцы лечения в различных госпиталях, восстановления и возвращения в строй.

Войну Азрет закончил капитаном, был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями. Но самой дорогой для него была «За отвагу», полученная за сражение на Курской дуге, которую он называл "медаль Алибека".

– Авай (бабушка), а как же Алибек? Твой брат встретился с ним? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Фронтовые дороги Алибека были тоже непростыми: бессонные ночи, нелегкие сражения, тяжелые ранения, потери друзей. О нем не раз писали фронтовые газеты, его подвигу посвятил свое стихотворение знаменитый поэт И. Френкель. А встретились они уже после войны. Их радость была безмерной, потому что судьба подарила им счастье новых встреч, каждая из которых начиналась с песни, познакомившей их, с песни, спасшей жизнь Азрета.

Бабушка пытается незаметно смахнуть с лица слезы, навеянные воспоминаниями. Я же, взятый в плен ее рассказом, невольно задумываюсь о воле случая, который дал возможность встретиться двум совершенно незнакомым парням в разгар одной из жесточайших битв времен Великой Отечественной войны, о мудрости бабушки Нуржан, которая через свои воспоминания пытается сохранить в наших сердцах эту память о великих событиях в истории нашей Родины и мужественных людях, верных долгу и чести. Я невольно проникаюсь глубоким уважением к людям, которых никогда не видел, но которые теперь стали для меня родными, и понимаю, что эта река памяти теперь течет и во мне.

**Шайгарданова Юлиана
Маратовна
I курс**

Наставники – Иваненко Александр Сергеевич, преподаватель истории, Тихонова Ирина Алексеевна, преподаватель русского языка и литературы

Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Мурманской области «Мурманский педагогический колледж»

Мурманская область

Где растет иван-чай – там человек погиб

Фрагмент первый: Австрия, 2012 год.

«Гутен таг. Вы из России? Я не был там 70 лет. Проходите и садитесь, а Марта принесет вам кофе. Или вы желаете шнапс? Под Мурманском я только их и пил, а сейчас нельзя ни того ни другого».

Так началось наше интервью со стариком австрийцем, бывшим горным егерем, когда-то воевавшим под Мурманском.

Он родился в семье врача в Вене. Потом 1938 год, аншлюс. Рассказывает, как полк СС прошел через его город. Тогда все говорили про красивую форму, четкость действий и преданность своему правителю. Многим было достаточно услышать это, чтоб принять решение о вступлении в гитлерюгенд. Там подготавливали будущих нацистов. Потом пошли по странам, побежденным городам, многим сдавшимся без боя. И все тогда чувствовали себя победителями.

А затем была Россия... Там война на неделю позже началась. И все, кто из Мурманска, это знают. Немецкие войска совсем рядом базировались, а так и не зашли в город.

«Мы шли по сопкам, и, дойдя до границы, обер-лейтенант нашей роты выслал вперед разведку... там был и мой друг Хельмут. Мы с ним были одноклассники и вместе прошли два года службы... Я часто бывал у них в гостях, его мама угощала нас отличным айсбаном. Хельмут был добродушным, мы часто шутили над ним. А он только отмахивался... Мы всегда держались вместе, а вот в тот день он ушел в разведку с утра без меня», – рассказывает австриец. Это был последний раз, когда он видел своего друга живым. А потом были выстрелы, после – давящая тишина...

На сопку солдаты поднимались бегом. Там их и встретили русские, и началась яростная схватка. До этого элита Германии встречала слабых противников, а тут равные по силе и ярости. Но победу все равно одержали горные егеря. Когда рота построилась, было видно, как мертвые русские лежат на сопке, но рядом с ними лежали и его немецкие камрады. Их мертвых было здесь больше, чем рота потеряла за два предыдущих года войны в Европе.

Даже тогда немцы искали своих разведчиков. Они были чуть дальше остальных, и Хельмут был среди них. Когда-то они брали в плен солдат Британии и Франции, гуляли по городам Европы и никто не смел перед ними глаза поднять. А сейчас они лежат мертвые, застреленные русскими. Оставалась только месть.

Обер-лейтенант приказал привести двух пленных, которые чудом уцелели. Один из них шел спокойно, зато второй...

«О, даже сейчас я вижу его лицо. Он встал перед нашим командиром, уперев руки в бока, глядя надменно и с вызовом. Так же и отвечал на вопросы: "Да, мы устроили засаду и застрелили немцев, которые шли первыми, как глупых тетеревов". Это он про моего брата по оружию!

Их приказали подвести к камню, прицелиться. Все ждали мольбы о пощаде, сломленный дух. Но красноармейцы оставались такими же стойкими, несмотря на направленные на них винтовки. Их расстреляли... прямо у того камня. Может, они до сих пор там».

После этого ветеран рассказывал про свои бесчисленные сражения за три года, многие из которых уже и не помнит. Но после того первого дня боя он знал: в Мурманск немцы так и не войдут.

По окончании интервью нам дали фотографии того расстрела...

Фрагмент второй: Мурманская область, Россия, 2013 год.

Где растет иван-чай – там человек погиб. Старая примета поисковика. Вот он, тот здоровый камень, про который рассказал австрияк, рядом поляна вся в иван-чае. Здесь мы – поисковики из «Заполярного рубежа», здесь наши лопаты, наши сердца и наши мысли. Неужели

найдем – их, двоих расстрелянных в страшном июне сорок первого? Металлоискатель обшаривает место расстрела. И наконец звенит – сигналом надежды...

Лопата вскрыла землю. Ремень, куски шинели, кошелек... медальон! Удача редкая, невероятная – из двадцати тысяч погибших бойцов, которых мы нашли за десятки лет здесь, только у пятисот находили футляры, где была информация о бойце. Неужели?!

И вот футляр вскрыт – бережно, нежнейше. Строки – Сергей Макарович Корольков, Тверская область, деревня Ноздрино. Семья, дочке был третий год, когда отца немцы расстреляли.

Жива ли она? И горькая мысль – второй медальон не нашли...

Фрагмент третий: Тверская область, деревня Болотово, 2014 год.

Вот, папа, я тебя и встретила. Всю жизнь после войны мама в военкомат писала, в архивы, да только никто ей ответить толком не мог, так и скончалась, ничего не узнав. Числился ты, папа, без вести пропавшим, и я тебя не помню. Всю жизнь прожила я без тебя, и всю жизнь, как и мама, искала. Надежду потеряла. Но дозвонились до меня в прошлом году ребята-поисковики из Мурманска, рассказали про то, как ты погиб, и привезли твои останки. Не одна я пришла к тебе, шесть детей со мной и их дети – твои правнуки. Живы мы, папа мой, и ты теперь рядом. А товарищ твой безымянный так на Севере и остался. Вечно хранить он будет тот край, как вечно гореть будет огонь на сопках.

Захаркин Матвей Игоревич I курс

Наставник – Воробьева Ольга
Владимировна, преподаватель истории

Областное государственное
бюджетное профессиональное
образовательное учреждение
«Спасский политехнический техникум»

Рязанская область

Солдатское письмо

Алексей очнулся от своих мыслей, услышав приглушенный разговор командиров взвода и отделения. Было раннее утро. Август. Всю ночь шли бои. Алексей понимал, что надо поторопиться, чтобы успеть написать и отправить письмо, пока затишье, которое продлится недолго. Карандаш он приготовил еще с вечера, перед боем. Его он попросил у командира отделения: свой отсырел. Алексей старательно разгладил тетрадный лист в клетку и начал писать: «Здравствуй, Катя! Письмо твое от 6 августа получил. Не могу описать тех чувств, которые оно вызвало. Новость настолько ошеломила меня, что я три дня не мог собраться с мыслями...» Как много хотелось рассказать милой Катеньке! Но рядовой Фоменко знал: важно продумывать каждое слово. Он снова посмотрел на плакат, висящий на стене, который знал наизусть, и вслух произнес: «Не пиши в письмах того, чего не должен знать враг».

Алексей Фоменко весной сорок первого года сыграл свадьбу, а в июле ушел на фронт. В мае сорок третьего по невероятному стечению обстоятельств им с Катенькой посчастливилось свидеться. И вот теперь он узнает, что станет отцом.

Два года на войне научили Алексея верить вопреки всему, но теперь им овладели совершенно иные чувства: он хотел во что бы то ни стало прогнать ненавистного врага с родной земли ради светлого будущего своих детей.

Наган лежал на столе рядом с листочком в клеточку и незаметно подергивался. Вы наверняка решили, что речь идет о револьвере? А вот и нет. Наганом звали солдаты отделения сержанта Кравченко химический карандаш. Это уважительное прозвище он получил с тех самых пор, как был помещен в гильзу от револьвера системы Нагана.

Карандашу не терпелось уже приступить к работе, однако рядовой Фоменко почему-то не торопился начать письмо. Но тут разговор командиров вывел его из задумчивости, руки солдата бережно разгладили лист бумаги, согрев своим теплом, и карандаш коснулся влажного языка Алексея. Наган бойко заскользил по поверхности. В бумажных жилках запульсировала жизнь, родившаяся благодаря любви, с которой было написано каждое слово солдата. Наган уже привык, что его «сотрудничество» с бумагой приводит к рождению письма в руках солдата, но каждый раз он радовался этому событию с новой силой, понимая, как важно отправить весточку близким, ведь письмо – это доказательство того, что боец жив.

Карандаш поставил точку в последней строчке и лег на стол. Он знал, что сейчас руки солдата будут складывать письмо в треугольник. Мелко исписанный и сложенный втрое, бумажный лист оживился. Наган не удивился. Так происходило всегда. Карандаш написал адрес и адресата. Пришло время расставания. С некоторых пор Наган начал завидовать письмам. Конечно, он по долгу службы многое знал, но его все сильнее влекло путешествовать. Много раз он представлял, какой увлекательный и опасный путь совершают письма.

Письмо с нетерпением ожидало, когда боец Фоменко встанет из-за стола и наконец направится к почтовому ящику. Впереди был долгий путь.

В почтовом ящике Письмо томилось вместе с другими треугольниками. Враг был слишком близко, поэтому Илья Ильич Крутов письма сослуживцев вынимал вечером, когда начинало темнеть. Ждать оставалось несколько часов. Письмо отлично видело через круглые отверстия ящика, как солнце клонилось к закату. В ящике было тесно. Писем много. Шли ожесточенные бои, и каждый солдат торопился отправить весточку домой, возможно, в последний раз.

Почтальон собирался в путь. Основательно, неспешно. «Ильич, – окликнул Алексей Фоменко почтальона. – Легкого пути!» Крутов

кивнул, перекинув через плечо винтовку, своего надежного товарища, не раз выручавшего на протяжении уже полутора лет.

Письмо было плотно прижато с одной стороны к внутренней стенке сумки, а с другой налегали такие же треугольники. Несмотря на тесноту, положение было завидное: приятное прикосновение потертой кожи к бумаге давало легкую прохладу. Сумка видала виды, поэтому во многих местах порвалась, благодаря чему Письмо могло отлично разглядеть, как Ильич пересек овраг, отдаляясь от позиции бойцов. Оно слышало, как за спиной шуршали взволнованные треугольники. Всем им хотелось добраться до адресата...

Августовское ночное небо поражало своей красотой: на темном фоне сверкали, словно драгоценные камни, звезды. Земля была обезображена взрывами, а небо, нарядное и безграничное, вселяло надежду на скорейшее окончание войны. Письмо любовалось им сквозь трещины в сумке, как вдруг прозвучал выстрел и Ильич всем весом своего тела навалился на сумку. Все сжались и замерли. Почтальон спас их. Но не ценой ли своей жизни?! Ждали. Страшно. Минуты тянулись болезненно долго.

У Крутова давно уже вошло в привычку спасать в первую очередь не себя, а письма. Вот и в этот раз он своим телом накрыл сумку, словно это был самый дорогой для него человек.

Ильич не торопился вставать. Важно сейчас выждать, тогда немцы решат, что им показалось.

Бумажные путешественники тоже боялись шевельнуться, ведь каждый из них понимал, что в эту минуту решалась их судьба: пощастливится ли им быть прижатыми к сердцу любящих солдата матерей, жен, сестер... И только Письмо было спокойно. Оно отчетливо слышало, как совсем рядом бьется сердце Ильича. Почтальон жив. Значит, есть надежда!

В ту ночь Крутов так и не решился подняться на ноги и до леса добирался по-пластунски. У первых берез Илья Ильич, оглядевшись, поднялся и оправился, проверил содержимое сумки. Убедившись, что важный груз цел, успокоился. Утро выдалось пасмурным, около семи часов начал накрапывать дождь. Крутов бережно спрятал сумку за пазуху. По его подсчетам, приблизительно через час он должен был добраться до станции.

Вплоть до утренней звезды Письмо любовалось небом, которое хорошо было видно, пока почтальон по-пластунски совершал свой путь, закинув сумку и винтовку на спину. Ночь выдалась долгой и опасной. А утром начал накрапывать дождь, и Письмо впервые пожалело о своем положении: в трещины сумки вот-вот могла просочиться вода и тогда слова, написанные с такой любовью, потеряли бы очертания. Опасения были напрасны. Ильич и об этом позаботился.

В телогрейке было темно и тепло. Письмо погрузилось в тревожный сон.

Илья Ильич Крутов добрался до военно-почтовой станции уже к девяти часам утра. Свою задачу он выполнил. Впереди обратный путь в воинскую часть. А письмам предстояло пройти стандартную процедуру контроля почтово-телеграфной корреспонденции.

Письмо опустилось на деревянную столешницу, и тут же на него посыпалось еще с десятков таких же бумажных треугольников.

Сквозь шум железнодорожной станции гулко раздавались удаляющиеся шаги Ильича. Дверь захлопнулась. Было слышно, как шуршала бумага, а потом раздавался удар. И снова шуршание – удар. Письмо почувствовало, как холодные шершавые руки, сильно пропитанные махоркой, грубо развернули треугольник, обнажив содержание. Минута. Вторая. И на лице проверяющего появилась мягкая улыбка. Тепло, исходящее от строк, обращенных к «милрой Катеньке», не оставило его равнодушным. В треугольник эти же руки складывали бережно и аккуратно. А затем Письмо почувствовало удар штемпелем, а рядом с адресом красовалась печать полевой почты с пятизначным числом. Затем снова удар – «Просмотрено военной цензурой».

До военно-почтовой базы добирались в мешках на ЗИСе-5. В грузовике трясло, мешки подбрасывало на неровной дороге, но было душевно. Солдаты, у которых в ногах разместили мешки с корреспонденцией, расселись по периметру кузова и под гармонь пели песни. Особенно приятны были строчки:

*Письма твои получая,
Слышу я голос живой.
И между строчек синий платочек
Снова встает предо мной...*

Захар Иваныч, как ласково называли бойцы грузовик ЗИС, энергично преодолевал препятствия на дорогах. Колеса уверенно справлялись с непроходимой грязью, образовавшейся после утреннего дождя.

Уже на базе корреспонденцию отсортировали по направлениям, после чего передали на военно-почтовый пункт для рассылки по адресам. Один мешок сменился другим.

Всего шестнадцать часов железнодорожного пути отделяло наше Письмо от почтового пункта, указанного в адресе.

Добирались в вагоне с солдатами, демобилизованными из-за ранения. Бойцы много курили, шумно разговаривали и пели песни. Одним словом, время пролетело незаметно.

Письмо почувствовало, как скорость снизилась и кто-то открыл дверь вагона. Затем мешок на ходу выбросили на перрон. До станции корреспонденцию тащили волоком. Видимо, старик. Это было понятно по шаркающим шагам. А затем последовала уже знакомая процедура сортировки и ожидание на пыльной полке.

Тоску развеял солнечный зайчик, проникший сквозь окно. Добравшись до полки, он игриво пощекотал бумажные бока. Настроение заметно поднялось.

Неожиданно по деревянному полу энергично застучали каблучки, и звонкий девичий голос прокричал: «Здрасьте, тетя Глаш! Для меня есть что-нибудь?» Появилась робкая надежда...

В главном отделении сумки почтальонки важничали газеты, в которых сообщалось, что «войска Красной Армии нанесли противнику сокрушительный удар». В боковом же кармашке места было мало и поместиться целиком не получилось, но зато прекрасно было видно, как Шурочка удалялась от станции. Она приняла решение не ждать председателя колхоза, с которым приехала, а бежать напрямки через лес. Ее не смутило, что на пути окажется непроходимое болото. Уж очень хотелось побыстрее доставить письмо подруге. Шура знала, с каким нетерпением Катерина ждет ответ от мужа, которому лишь спустя три месяца сообщила радостную новость. Каждый день молодая женщина выходила на дорогу встречать почтальонку Шурочку в надежде получить письмо.

Девушка добежала до лесочка и двинулась по едва приметной тропе. Вскоре Шурочка продолжила путь с длинной палкой, местами наступая на мох, набухший от воды. Дорога становилась все опасней, а шаги девушки – осторожней. Вдруг сумка опустилась на землю, и Письмо с любопытством выглянуло узнать причину. В двух шагах от вынужденного привала кустики клюквы переплелись по-

бегами, образовав настоящий ковер. А между мелкими листочками местами красовались спелые красные бусинки – ягоды, к которым тянулась Шурочка. Не смогла пройти мимо угощения отважная девушка! «Письмо да еще горсть полезной ягоды – это же двойная радость», – думала она, складывая ягоду в платочек. Почтальонка собирала ягоду, местами проваливаясь, но все же удачно выбираясь на более сухие участки...

Лес поредел. Сквозь деревья виднелось село. На дороге одинокая фигура вглядывалась в даль, даже не догадываясь, что весточка от родного мужа прилетит из леса...

Акаева Марьям Хасбулаевна III курс

Наставник – Дагирова Ухуржат
Шарабутдиновна, преподаватель
русского языка и литературы

Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение «Республиканский
педагогический колледж
имени Расула Гамзатова» (г. Буйнакск)

Республика Дагестан

Есть память, которой не будет забвенья...

Вы когда-нибудь видели, как плачут взрослые мужчины?

За свои семнадцать лет я впервые увидела слезы, боль, отчаяние в глазах дагестанских мужчин на мероприятии «Есть память, которой не будет забвенья...», организованном школьным отрядом следопытов «Поиск». На школьное мероприятие были приглашены семьи тех, чьи родные погибли во время Великой Отечественной войны или считались без вести пропавшими.

Из моего родного села Халимбекаул (Буйнакский район) ушли на фронт более 300 человек: больше половины не вернулись, 125 из них пропали без вести.

Будучи членом школьного отряда «Поиск», я вместе со всеми вела исследовательскую работу по установлению мест захоронения погибших земляков. Нам удалось найти могилы более 70 человек.

Плакал весь зал, когда поседевшим аксакалам вручали свидетельства, в которых были указаны места, где покоятся останки их родных. Получив документ на руки, многие целовали его, как святыню. Мне до сих пор тяжело об этом вспоминать. Никогда не забуду, как слезы текли ручьем по лицу моего соседа, дяди Абдусамада. К сожалению, мы не нашли могилу его отца. Он ни разу не видел его живым. Родился после того, как отец ушел на фронт. В своем выступлении дядя Абдусамад просил нас, членов поискового отряда, найти могилу отца.